

Фантастические миры

Константин Калбазов

ВЕЩЬ
ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

Вепрь

Константин Калбазов

Вепрь. Лютый зверь

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Вепрь. Лютый зверь / К. Г. Калбазов — «Автор»,
2012 — (Вепрь)

ISBN 978-5-9922-1292-1

Ты оказался один в чужом мире, нашел тех, кто стал тебе близок, нашел семью и... в одночасье лишился всего того, что стало тебе по-настоящему дорого. Как быть? Смириться с выпавшими на твою долю испытаниями или, презрев все законы – людские и божьи, пойти на поводу у зверя, сидящего в каждом из нас?

ISBN 978-5-9922-1292-1

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Константин Калбазов

Лютый зверь

Глава 1

Осколки былого

Хотя уже началась осень, солнце все еще припекает по-летнему. Уже скоро зарядят дожди. Погожие дни еще будут, куда же без бабьего лета? Никуда, как и без них самих. Вот так вот смотришь на лазурное небо, потом бросишь взгляд окрест – и жить хорошо, и жизнь хороша. Сердце само начинает подпевать полевой птахе. Вторят ей и кузнечики. А вокруг – чистый воздух, вдыхать его – одно удовольствие. Вроде и не весна, а запахи стоят такие, что просто закачаешься. На Земле не так много уголков, где вот так вот все, как при сотворении мира, в первозданной красе. А тут – сколько угодно. Вот доносится запах ели, до опушки едва ли сотня шагов. А вот – пьянящий аромат нескошенного разнотравья и осенних цветов, над которыми все еще кружат дикие пчелы: стараются в эти последние погожие деньки увеличить зимние запасы; больших сборов уже нет, но эти трудяги рады и тому, что есть. Пахнет короставником, тысячелистником, коровяком, льнянкой, припозднившимися ромашкой, зверобоем, чистотелом... Сгоревшим порохом?..

– Иланкодж, ка джус зиурети¹.

Что там хрипит этот боец, Виктору не понять. Все же нужно озаботиться изучением языка, а то резать гульдов – дело, конечно, доброе, да вот только обидно будет, что столько крови слито в землю, а все не та. Глядя на лежащего перед ним солдата, он обдумывал вопрос о его пленении. Пленник нужен был для постижения вражьей речи. Рана в плечо, похоже, серьезная. Если прилетает кусок свинца весом в сорок с лишним граммов, даже если он на излете, это здоровья не прибавит. Конечно, на ноги поставить можно. Вот только бесполезно это. Смысл слов Виктор не разобрал, но весь вид этого солдата, серьезно раненного и потерявшего изрядное количество крови, говорил о том, что тот раньше издохнет, чем покорится злодейке судьбе. Ну раз так, значит, так. Совершенно спокойно, не произнеся ни единого слова, он просто и без затей рассек гульду горло, после чего обтер клинок о его мундир.

Что ж, день прошел удачно. Вот еще двоих можно записать себе в актив. Жаль, не драгуны – к тем у него особый счет, – а простые солдаты, с них много не возьмешь. Но и то хлеб. Сказал бы кто, что эти двое делают здесь, – уж больно далеко от основного лагеря. Может, разведчики? Вполне вероятно. Во всяком случае, двигались они вполне грамотно, а убитый – по повадкам так и вовсе далеко не первогодок, с охотой знаком не понаслышке. Только не помогло ему это. Виктор Волков оказался и поудачливее, и половчее, раз теперь он стоит над трупами врагов, а не наоборот. Они могли оказаться и дезертирами, да только сомнительно это: и Гульдия, и Фрязия располагаются в другой стороне, а в славенских землях гульду будут не особо рады. Тем паче сейчас, пока замирение не вышло. Впрочем, недолго осталось. Король Карл уже отправил посольство, а Миролюб – он потому и Миролюб, что при первой же возможности мир заключит.

Едва Волков подумал о мире, как внутри все заклокотало. Вот так вот, повоевали! Покрошили людишек – и скоренько на мировую. А что делать, коли планы по ветру развеялись! И главное, кто их развеял? Сам же Виктор и постарался – диверсант хренов, просили тебя...

¹ Бей, чего смотришь.

Кампания гульдами задумывалась для захвата крепости Обрежной, с прилегающими землями и единственным мостом через большую реку Турань. Это позволило бы им оседлать большой торговый тракт. К тому они стремились уже давно. И все же их упорно не пускали в «акционерное общество закрытого типа». Как говорится, поезд ушел и нечего нарушать сложившееся статус-кво. Но гульды упорно не желали принимать данный расклад.

Все складывалось самым наилучшим образом. Напасть удалось внезапно, что было скорее правилом, чем исключением. Редко кто теперь заботится о соблюдении правил чести. К чему давать противнику время, чтобы подготовить встречу? А уж если противник – славены, так тем более... Без лишних трудов удалось осадить крепость, подтянуть осадную артиллерию, которая за несколько дней сумела пробить брешь в стене. Тут и произошло непонятное гульдам, чудовищное событие. А чего, собственно, еще ждать от этих вероломных брячиславцев? Им каким-то образом удалось прокрасться в лагерь гульдовских маркитантов и отравить пиво. Поступок бесчестный. И в результате немалая часть осаждающих полегла в одночасье. После этого не прошло и суток, как осажденным удалось прокрасться в лагерь и взорвать пороховой погреб, сумев взрывом отвлечь внимание. Пока в лагере противника царил паника, славенский воевода Градимир повел осажденных на вылазку. Те сумели вывести из строя или утянуть в крепость все вражеские пушки.

Подрыв погреба и последующую вылазку брячиславцы признали, а вот от причастности к отравлению всячески отнекивались. Кто бы сомневался. Вот только никто не верил, что пиво у Петера оказалось отравленным по случайности. Да и глупо было бы. Но прямых доказательств против славен тоже не имелось. С другой стороны, даже если бы имелись таковые, что с того? Здесь о Женевских конвенциях и слыхом не слыхивали. Разве только могли попенять, мол, не по чести это, и высказать всеобщее западническое «фи». Да и Бог с ними.

Виктору нравилось его нынешнее житье. Вернее, нравилось до той поры, пока его маленький тихий мирок не порушили гульды. Да, этот мир куда честнее, чем тот, который Виктор оставил. Не по своей воле ушел из той, другой жизни. И все-таки даже сейчас, когда в груди зияла огромная рана нескончаемой душевной боли, он продолжал любить место, куда его занесло по непонятной прихоти Господа. А кому еще такое подвластно?

Он был рожден на Земле. Там Виктор не успел достигнуть никаких особых высот, хотя глупым никогда не был. Когда срок службы в армии подошел к концу, парню предлагали остаться, проча военную карьеру. Он отказался. Но в один отнюдь не прекрасный день попал в автомобильную катастрофу. По всему выходило, что он должен был умереть. Вопреки логике этого не произошло. Почему? На этот вопрос он и сам не знал ответа. Последнее, что он помнил из своего прошлого, – это звук удара автомобилей, сминаемое железо, острая боль в левой части тела и четкое осознание: случилось что-то непоправимое. Очнулся в лесу. Обнаружил, что находится не в своем теле. Это тело душа покинула, когда человека ударило стволом рухнувшего дерева, а его, Виктора, заняла освободившееся место. Как-то так.

И вот, в неизвестном мире, который по уровню развития напоминал ему конец XVII века, Виктор вполне комфортно устроился в теле бывшего скомороха по имени Добролюб. Тот пробавлялся выступлениями на потеху доброму люду. Однако Волкову не блажило всю жизнь выступать на рыночных площадях, жить без кола и двора, прожигая молодые годы. Он всегда помнил народную мудрость: молодость – это всего лишь средство, чтобы обеспечить себе старость.

Так уж сложилось, что с самого начала ему пришлось убивать. Убивать много и не по своей воле. И он вынужден был так поступать, защищая себя. Спасибо Добролюб, что он так здорово умел метать ножи. Эта вторая жизнь принесла и кое-какие материальные блага, которые могли позволить неплохо устроиться, и большую любовь. Правда, любовь эта не дала счастья. Как-никак Смеяна – боярская дочь. Он и любил ее на расстоянии, скрывая свои чувства от всех.

Разумеется, заняв свою нишу в обществе, Виктор не думал устраивать революцию и перекраивать существующий мир, возмнив себя самым-самым. Он стал скромным владельцем постоянного двора на перекрестке торгового тракта. Вот только заниматься обеспечением быта заезжих путников ему оказалось скучно. Тогда он вспомнил свои прошлые специальности – токаря и слесаря, которые получил еще на Земле. И не мудрствуя лукаво решил построить станки, аналогов которым здесь пока не было. Земные знания многому должны поспособствовать. Он хотел наладить производство нужного здесь инструмента, который помог бы сделать большой скачок в развитии! Тогда и сам Волков мог бы получать огромные дивиденды и устроиться с максимальным комфортом.

Новая жизнь шла своим чередом. Виктор Волков успел и жениться. Пусть не на той, по которой сходил с ума, но семья получилась хорошая. Родилась дочь. К этой малютке он прикипел всем сердцем. Перспективы вырисовывались великолепные. Казалось, здесь, в этой жизни, есть у него неплохое будущее. И все было порушено в одночасье. Гульды... Западное государство смотрело на людей восточных княжеств как на отсталых и грязных дикарей. Гульды прошли огнем и мечом по жизни Добролюба. Сам он сумел тогда свалить троих, потом получил удар палашом, потерял сознание. В память о том дне нес он на своем теле страшные шрамы, его некогда привлекательное лицо стало безобразным. И все же не это так мучило. Острее всего переживал он гибель двухмесячной дочери. Эта рана болела в его душе. И теперь по бескрайним просторам Брячиславии, по ее лесам и степям метался уже не тот прежний Виктор, или Добролюб, а самый настоящий зверь. Уж во всяком случае, если дело касалось гульдов...

– Ура-а-а!

– Слава великому князю!

– А-а-ах-а-а!

Раненый приподнялся на лавке, придерживая живот и кривясь от боли, и спросил:

– Что там такое, Добролюб?

В то, что беда выживет, не верил никто, даже лекарка, которая, невзирая ни на что, хотела поставить его на ноги. Но бабка Любава оказалась знатной травницей. Парень активно шел на поправку, удивляя всех. Горазд прислуживал на постоялом дворе Виктора. Хотя он и был вольным, но так уж сложилась его судьба. Когда его родители и братья попали в кабалу, ему подобной участи удалось избежать. Но пришлось, неприкаянному, податься в услужение. Впрочем, о том ни разу не пожалел. К тому же повстречал Веселину, дочь кузнеца, которому тоже довелось испить горькую чашу: стал холопом вместе со всей семьей, превратился в собственность Волкова. Хозяин обещал отпустить молодых по истечении пятилетнего срока. Но не судьба.

И Веселина, и мать ее, и брат вместе с женой Виктора и его дочуркой погибли в тот день, когда на двор ворвались гульдские драгуны. Парень видел, как издевались над женщинами, насиловали их. Сам был прибит к воротам, там же и пулю в живот получил.

– Да ничего особенного, – недовольно вздохнул Виктор. – Война окончилась, гульды ушли за Турань. Выходит, крестьянам пора выбираться из лесных шалашей да землянок и двигать обратно, восстанавливать дома.

– Поспеют ли? – усомнился раненый.

– Дома-то поставят, а вот как выживать будут в эту зиму – не ведаю. Наверное, уж великий князь поможет. Откроет свои закрома.

– Эдак раз поможет, вдругорядь приключится неурожай, а там и кабала подоспеет, – недоверчиво хмыкнул Горазд. Он помнил, каково это – за долги попадать в неволю.

Нельзя сказать, чтобы Виктор одобрял сложившийся порядок вещей. Но и поделаться с этим ничего не мог, а потому просто принял ситуацию как данность, постарался приспособиться, а не прошибать лбом каменную стену. Принять-то принял, но как-то по-своему, по-особенному. Вот вроде были у него холопы, но хозяин-то из него вышел непутевый. Потому

как на одной холопке сам оженился, остальных допустил до своего сердца. И стали они скорее и не холопами для него, а родней, коей у него не имелось по понятным причинам. Может, у Добролюба где-то кто-то и был, да только он и сам о том не помнил, а уж у Виктора тут точно никого. Сначала – никого не было, теперь – никого не стало. Разве что Горазд, ведь тоже человек не чужой, да еще где-то Богдан есть, о котором он ничего не слышал уж пару месяцев.

– Ты вот что, Горазд. Возьми.

– И что это? – Парень взвесил кошель в руке.

– Там сто рублей, стало быть, тридцать три гривны. Вот еще и грамотка тебе, мною писана, о том, что серебро это ты не украл, а получил от меня. Выкупи родителей да братьев. Этого должно хватить. Не гляди на меня так, ничего ты мне не должен. И род твой в должниках не останется. Была у меня семья большая, и вы все в той семье были, а теперь опять я один. А что до той деньги, так я и без того собирался тебе на семью выделить, просто не хотел давать за так, а чтобы с потом и кровью, потому как дареное за красивые глазки не ценится.

– Стало быть, за службу верную одариваешь, – горько улыбнулся Горазд.

– Дурак ты, если не понял. Деньги потратить на семью, а если что останется, то уж и сами разберетесь. Коли повстречаешь Богдана, передай, чтобы шел в Звонград, в съезжую избу. Я там для него грамотку вольную оставляю. Да вот передашь и десять рублей.

– А если не встречу?

– Не пройдет он мимо могилы семьи, придет поклониться. А ты поблизости все одно будешь, пока на ноги не встанешь. Все. Пора мне.

И рад бы Виктор остаться, да нет ему покоя. Война для него очень уж удачной вышла. И трофеев набрал множество: одних только боевых коней со правой восемь голов, а это около шестисот рублей, да оружия всякого. Чтобы восстановить подворье в прежнем виде, а то и краше дом поставить, денег у него вполне достаточно, еще и осталось бы. Даже если полностью расплатиться с производителем за заказанные станки. Вот только нужно ли ему это? Душа болит, сердце разрывается. Иного способа унять эту боль, кроме как одарить ею заклятых врагов, он не видел.

Нет, голову он не терял. Его ярость была холодной и расчетливой. Правы были те, кто утверждал: месть – это блюдо, которое лучше подавать холодным. Потому и о добыче заботу имел, и оружие не все определил на продажу. Весь трофейный огненный бой оставил при Горазде, продал же только клинки да шесть лошадок со правой. Пару коней оставил при себе. Прибавить сюда еще и то серебро, что осталось у него от довоенных времен... Словом, деньги у него имелись. Осталось превратить их в средство, которое станет подспорьем в осуществлении задуманного.

В Звонграде, распродав лишнее имущество, он посетил кузнечный двор. Заказал – не скупясь, из хорошей стали – дюжину ножей для метания. И не у абы какого мастера, а у самого лучшего в слободке. То, что на выполнение заказа обстоятельный мужик попросил две недели, он воспринял легко, его вполне устраивал такой срок.

Покончив с делами в Звонграде, Виктор направился в Брючиславль, где его уже дожидался заказанный пистоль. Вот ведь. Раньше просто хотелось иметь револьвер, не столько из соображений воинственности или безопасности, сколько из-за романтических детских мечтаний о Диком Западе и простой тяги к хорошему оружию. А оно вон как обернулось! Теперь это оружие нужно было именно для сражения, для убийства. Он жалел, что не заказал тогда сразу пару пистолей. Ну да ничего, Бог даст – у мастера найдется еще один, собственной конструкции. А может статься, он изготовит новый, по той схеме, что предложил странный заказчик.

Пистолы конструкции мастера Лукаса оказались в наличии. Была их только пара, и мастер ни в какую не желал ее разбивать. И Виктору уж очень не хотелось отказываться от того, который сделали по его собственному заказу, уж больно ладное и куда более прочное и практичное получилось оружие.

Теперь револьвер имел законченную рамку, что в значительной степени увеличивало прочность. Отжав защелку, можно было отбросить барабан в сторону и извлечь его, заменив другим, снаряженным, у которого имелся скорозарядник – ну не знал Виктор, как еще назвать эту конструкцию! Она предотвращала высыпание пороха из задней части каморы в барабане, а спереди порох удерживала плотно подогнанная пуля. Насаживаешь барабан на ось, отсоединяешь скорозарядник, переводишь барабан в боевое положение – и оружие готово к бою. Хотя нет, был еще один момент. Необходимо было досыпать порох в емкость на кресале, так как его там хватало от силы на восемь выстрелов. Если сделать емкость больше – уже неудобно, больно массивно. Впрочем, в любом случае скорострельность получалась значительно выше. Переснаряжение револьвера занимало куда меньше времени, чем перезарядка одного обычного пистоля. В комплект входило еще два запасных барабана, а это гарантированные восемнадцать выстрелов.

Купил Волков и ту пару, что была сделана по старой конструкции мастера. Вот ведь упертый! Видит же, что по-новому получается и лучше и практичнее, но нет. За деньги он взялся внести изменения в конструкцию, но только единожды, потому как считал это блажью, а вот свое видение устройства пистоля признавал единственно верным. А может, дело вовсе и не в этом. Просто оружие было уже практически в стадии готовности, и он решил его доделать. Но, возможно, причина и в дороговизне. Сто семьдесят рублей – это весьма серьезная сумма. Мало найдется желающих выложить такие деньги за один пистоль, пусть даже и очень продвинутый, усовершенствованный. А за меньшую плату мастер не согласен делать столь сложную работу. Он и с Виктора изначально затребовал сто пятьдесят, но потом спохватился – понял, что погорячился.

– А почему так сильно изменилась цена, уважаемый?

Грозный вид Виктора не произвел на мастера впечатления, а если и произвел, то он хорошо владел собой. Идти на попятную оружейник не собирался ни при каком раскладе.

– Исполнить ваши требования к оружию оказалось не так уж и просто. Пришлось придумывать новые механизмы, работа стала более сложной. Когда вы высказали свои пожелания, то я, признаться, затруднился сразу оценить заковыристость работы. Но я все понимаю. Разговор был об одном, на деле получилось другое. Поэтому я готов вернуть вам ваш задаток, а для пистоля поищу другого покупателя.

Можно было и возразить. Но Виктор видел, что мастер не занимается банальным разводом. Просто сегодня такие расценки, к тому же все делается вручную при практически полном отсутствии необходимых станков. Что касается предварительной договоренности, так на словах оно вроде и действительно все просто, а на деле...

– Господин Лукас, я не задумываясь выложу причитающееся, если этот пистоль покажет себя хорошо в испытаниях. Мало того, сделаю еще один заказ. Но предупреждаю: испытывать буду жестко.

– Насколько жестко?

– Ну, молотом бить по нему в мои планы не входит, и намеренно курочить его я не стану.

– Хорошо, – вздохнув, согласился Лукас.

Вскоре оружейник пожалел о своем согласии, когда увидел, как этот изверг бросал его изделие в пыль, отряхивал и стрелял, ронял с разной высоты, в том числе и на брусчатку со скачущей лошади, волок его по дороге за собой. Но, слава Господу, мастер к своей работе всегда подходил основательно и вдумчиво, а потому оружие выдержало все эти издевательства с немногими потерями. Однажды отлетел кремень. В следующий раз повредились кресало и курок, появились вмятины, царапины, отчего оружие потеряло свой нарядный вид. Но беды не было, потому что покупатель только довольно цокал языком, заявив, что ремонт оплатит из своего кармана.

Когда же Виктор предложил проверить таким образом оружие, изготовленное по схеме самого Лукаса, тот категорически отказался. Вот пусть покупатель сначала оплатит пистолы, а там делает с ними все что угодно. В душе он понимал: подобных испытаний его образцы просто не выдержат и поломки будут куда более серьезными. Испытать тот образец он согласился потому, что все же чувствовал себя виноватым перед заказчиком. Ну и надеялся также, что тот сделает следующий заказ. Теперь, когда пистоль уже готов и не нужно думать и гадать, как там и что сделать, дело должно пойти легче. Вот только поди найди на такой товар покупателя! Его шестизарядники порой лежат на прилавке по году, а то и больше, что же говорить про эти.

За оружием Виктор пришел утром следующего дня. По виду Лукаса он понял, что оружейник трудился чуть ли не всю ночь, чтобы привести изделие в порядок. Что ж... Это делает ему честь. Взяв в руки пистоль, Волков проверил, как работает механизм. Все было просто исключительно. Без претензий отсчитал названную сумму.

– Вы хотели дать мне еще один заказ. – Мастер внимательно глядел на этого уродливого парня, который пытался скрывать свое увечье под платком, повязанным на лицо.

– Хотел. Мне нужен карабин, сделанный по такому же принципу, что и этот револьвер.

– Какой револьвер?

– Ну вот этот пистоль.

– А почему – револьвер?

– Не знаю, – увильнул от прямого ответа Виктор. – Просто однажды слышал, как оружие, похожее на ваш пистоль, называли револьвером.

– Хм. А звучит очень оригинально. Ре-воль-вер, – по слогам произнес Лукас. – Отлично звучит. Так и буду называть. Кстати, чуть не забыл! Уж простите. Вроде и не старик, но вы меня заставили поволноваться, так что память немного подвела. К вашему пистолу прилагается вот это.

При этом мастер выложил на стол аккуратный ящик, очень похожий на те, в которых хранились дуэльные пистолеты. Виктор когда-то видел такие в кино. Внутри все отделано черным сукном. В устроенных ячейках находились пороховница, мерка для пороха, набор для ухода за оружием, пулелейка, запасные барабаны и приспособление для зарядания. Принцип его работы один в один совпадал с тем, что использовался на самом револьвере. Зарядать его можно было, не извлекая барабан. В общем-то ничего особенного – примерно то же, что и на первых кольцах. Самое большое отделение предназначалось для хранения пистоля. Впрочем, уж где-где, а в этой изящной коробочке из ореха ему точно не лежать, не для того он куплен.

– Судя по вашему виду, вы прекрасно поняли, что здесь и для чего. Тогда еще одно. Мои пистолы могут давать по четыре десятка выстрелов без основательной чистки, но только если использовать порох, что продается в моей лавке.

– А поподробнее нельзя?

– Вот здесь, видите, в рукояти устроен пенальчик, в котором имеется ершик. Достается он вот так. После восемнадцати выстрелов достаточно откинуть барабан и пройти сухим ершиком по затравочному отверстию, сметая свежий нагар. Это нужно повторять после каждого отстрелянного в последующем барабана. Но после четырех десятков выстрелов уже нужна вдумчивая чистка – тогда уж и кресало забудется, да и в целом оружие будет в таком состоянии, что больше осечек будет, чем выстрелов.

– Вы потому и сделали только три барабана.

– Да, основная причина в этом.

– А сколько вам потребуется времени, чтобы сделать еще три?

– Думаю, неделя.

– Изготовьте. Сколько я буду должен?

– Пять рублей за штуку. Разумеется, каждый барабан будет снабжен удерживателем.

Мастер так называл скорозарядник. Что ж, как хочет, так и называет. Название, придуманное Виктором, тоже притянута за уши.

– Устраивает. А что там с порохом? Вы как-то по-особенному его изготавливаете?

– Не я. Покупаю его в Гульдии, куда специально для этой цели езжу примерно раз в год. Обычные пистолы и мушкеты без чистки могут производить до полутора десятков выстрелов, после частичной чистки – еще выстрелов восемь-десять, а потом начинаются сплошные осечки. То кресало не высекает искру, то порох на полке загорается, но огонь не попадает в ствол из-за нагара. Тут уже нужно чистить со всей основательностью. У многозарядных пистолей... хм... револьверов это проявляется гораздо сильнее. А вы будете иметь возможность произвести целых тридцать шесть выстрелов подряд, что с обычным порохом не получится, даже после чистки на скорую руку. Этот же порох сгорает наиболее полно и дает значительно меньше нагара. Так что вы сможете произвести ваши тридцать шесть выстрелов без особых хлопот.

– Коли так, то, разумеется, я куплю порох у вас. Кстати, намного дороже?

– Не так чтобы сильно, но дороже. – Лукас, словно извиняясь, развел руками.

– Ладно. Куда же деваться.

– Насчет карабина нужно бы поговорить более конкретно, – приняв деловой вид, перевел разговор оружейник.

– Вот, я набросал чертеж или, скорее, рисунок. Хотелось бы получить нечто очень похожее.

– Интересный подход. Такие приклады мне еще не попадались, оружие будет весьма удобным. Но здесь не указано, каким должен быть его калибр.

– А какой наименьший калибр вы можете сделать?

– Вообще-то вы его уже видели, на пистоле.

– Это самое малое? А еще меньше сделать не можете?

– Молодой человек, не требуйте невозможного. К тому же меньшего калибра я еще не встречал. Как только наткнетесь на такую новинку, непременно сообщите мне. Очень любопытно, как такое возможно.

Все понятно. Существующие технологии попросту не позволяли создать нечто другое, Виктор понятия не имел, как здесь производятся эти самые стволы. Вряд ли высверливаются, для этого необходимо иметь специальные сверла для глубокого сверления, а главное – станки, которых тут еще не знали, это услужливая память подсказала из прошлой жизни. Первый такой станок едва не появился по воле самого Волкова, но не судьба. А может, отливаются?.. Нет, похоже, все же ковались, тут, почитай, все на ковке. Да и бог с ним. По большому счету, то, что получилось у мастера Лукаса, рядом с другим оружием было прямо-таки миниатюрным: калибр револьвера получился порядка двенадцати миллиметров.

– Господин Лукас, я надеюсь, вам не надо напоминать, что ствол тоже должен быть нарезным и необходимо изготовить шесть барабанов, оставив запас в два калибра?

– Разумеется.

Пуля Минье. Она имеет длину в два калибра. Если бы мастер сделал барабан под привычную тут круглую пулю, то потом не удастся зарядить пулю Минье, которую планировал использовать Виктор. Он когда-то читал о ней и о пуле Нейслера, принцип изготовления ему известен, вот только вводить ее в обиход раньше времени он не собирается. Здесь уже умеют изготавливать нарезные стволы, и это под силу каждому оружейнику, но распространения такое оружие не получило. Причин тому было несколько. Это и сложность изготовления, и долгий процесс заряжания. К тому же нарезные ружья по скорострельности вдвое отставали от гладкоствольных. Сейчас пулю приходится либо вгонять в нарезы с дульного среза и прогонять через весь ствол, либо, закатив пулю, бить потом деревянной киянкой по шомполу, чтобы слегка расплющить ее, заставляя сминаемый свинец входить в нарезы. При этом давятся гранулы пороха,

что ухудшает его дальнейшее горение. Понятно, что в данном случае стрельба производится уже не круглой пулей, а практически бесформенным кусом тяжелого металла с весьма посредственными баллистическими характеристиками. Преимущество нарезных ружей составляют только меткость и дальность, да и то не особо заметные.

Пуля Минье решала множество проблем, уравнивая скорострельность гладкоствола и нарезняка, добавляя плюсов последнему и выводя его в неоспоримые лидеры. Коническая пуля имела гораздо лучшие характеристики, чем круглая, а уж про смятый свинец лучше и вовсе помолчать. К тому же ее изготовление не составляло большого труда, нужно было только изготовить нормальную пулелейку. Конечно, такая пуля была более дорогой и сложной в производстве, но это если брать обычную, с чашечкой. Виктор же собирался применять так называемую американку. Эта пуля выполнялась только из свинца, без чашечки, и ее расширение происходило под давлением газов.

В его планы также входило значительно увеличить боевые характеристики гладкоствола, для которого он собирался применить пулю Нейслера. По принципу действия она напоминала пулю Минье, но только имела длину в один калибр и была цилиндросферической. Казенная часть имела также форму чашечки, но при расширении свинец не вгонялся в нарезы, а просто прижимался к стенкам ствола, исключая прорыв газов вокруг пули и не позволяя той болтаться из стороны в сторону. Эта пуля вдвое увеличивала точность боя и прицельную дальность обычных мушкетов и пистолей. Вот только Виктор не хотел ставить посторонних в известность относительно своих задумок.

Нет, у него не было мысли о государственной выгоде, просто хотелось иметь преимущество над другими. Ну кто может подумать, что он может прицельно поразить противника с дистанции в триста шагов, если сегодняшние образцы позволяли это сделать максимум со ста пятидесяти. Поэтому он просто заказал Лукасу барабан с запасом места под более длинную пулю, не объясняя причин.

Кстати сказать, опыт обращения с пулей Нейслера у Волкова уже имелся, как имела и пулелейка под калибр тех драгунских карабинов, которые он взял в качестве трофеев при нападении на эскорт барона Берзиньша. На пепелище он ее нашел, оплавленную и потерявшую форму. Неудивительно, что пулелейка деформировалась, ведь она изготовлена из бронзы. Правда, толку от нее все равно не предвиделось. Изучив захваченные в ходе войны стволы, Виктор обнаружил, что только среди карабинов и мушкетов было три разных калибра, различающихся на миллиметр или даже два. Причем ни один из них не соответствовал тем, что были у него раньше. Пистолы оказались столь же многообразны, их калибры колебались от четырнадцати до двадцати миллиметров. Ничего не поделаешь, до стандартизации здесь еще очень и очень далеко, а потому у каждого мастера имеется свой стандарт, да и то не факт. Вспомнилось, как Богдан возмущался, когда Виктор приобрел набор измерительных инструментов имперского стандарта. Мол, выброшенные на ветер деньги... Все-то у них тут на глазок!

– За месяц управитесь? – уточнил Виктор.

– Хм... Раньше вас устраивали иные сроки.

– Обстоятельства изменились.

– В принципе все отработано. Немного изменятся лишь размеры барабанов, ведь их нужно будет увеличить. Но месяца маловато будет. Скорее два. И это не считая того времени, в течение которого я буду делать дополнительные барабаны. Здесь тоже шесть барабанов?

– Да. Что ж, если все вопросы обговорили, то давайте ваш порох, – подвел итог встрече Виктор.

– Сколько?

– А сколько у вас есть?

– Достаточно много.

– Это не ответ.

– Полтора бочонка.

– Давайте весь.

– Куда вам столько?

– А я его солить буду.

– Что-что?

– Не имеет значения.

– Нет, так я не могу. Если уж вам так нужно, то я продам целый бочонок, но початый оставлю, ведь владельцы моих пистолей берут порох только у меня. А когда приедете за карабином, то сможете докупить еще.

– Не хотите терять клиентуру. Понимаю. Ладно, по рукам.

Виктор решил не терять время попусту. Пока готовились дополнительные причиндалы, он посетил ювелира – златокузнеца, как их тут величали, – и заказал ему две пулелейки: для своего револьвера и еще одну – для карабина. Правда, ставить ювелира в известность, что именно тот делает, Волков не стал. Собственно говоря, какая разница? Форму дали, остается только изготовить требуемое. Вроде как понятно, что это приспособление для отливки, а вот что именно отливать будут – поди пойми. К тому же к оружию ювелир не имел никакого отношения, поэтому никаких подозрений у него не возникло. Конечно, взял за работу изрядную плату, так ведь оно и понятно: он все больше по драгоценным металлам, а тут... Но Виктору требовались точность и аккуратность. Тем более что к услугам ювелира в этом вопросе он прибежал и раньше.

С пистолетами конструкции самого мастера Лукаса вариант с заменой пули не проходил. Дело в том, что его барабаны покорооче и новую пулю в них не загнать. Пуля же Нейслера не годилась для нарезного оружия, так как имела все шансы сорваться с нарезки. Поэтому придется использовать обычную круглую. Впрочем, ничего страшного: даже с такой они давали весьма приличную дальность боя, чему способствовал все тот же нарезной ствол. Кстати, в первых кольцах также использовалась круглая пуля.

Все эти дни Виктор провел за городом, непрерывно практикуясь в стрельбе. В такие моменты он напоминал себе стрелков из виденных ранее вестернов, вот только ему сейчас не до воспоминаний и не до размышлений. Он не собирался вымещать злобу на мирных гульдах. Однако если кто-то попадется под горячую руку и Виктор по стечению обстоятельств его пришибет, то угрызениями совести страдать не станет. Охота же на военных – опасное предприятие, поскольку они имели дурную привычку стрелять в тех, кто посмел поднять на них руку. Поэтому отнюдь не лишне практиковаться в стрельбе и всевозможных методах скорейшей изготовления оружия к бою. А более всего поспособствует неожиданное его применение из самых невероятных положений. Вон, в свое время дурачились, молодые и глупые, выхватывая автоматы из положения «на ремень», потом Виктор точно так же выпендривался перед холопами уже здесь... А результат каков? В немалой степени благодаря отработке этих телодвижений он вышел победителем в схватке на дороге сразу с четырьмя драгунами. Так что не лишнее это все, не лишнее.

Через пару дней были готовы заказанные пулелейки. Виктор начал тренироваться со своим револьвером. Можно было, конечно, и раньше поупражняться с круглой пулей, вот только не хотелось потом переучиваться: характеристики оружия при использовании новой пули все же менялись. Кольт – именно так, не мудрствуя лукаво, Виктор решил назвать свой револьвер: так гораздо привычнее, – оказался на диво точным оружием. Пришлось немного поработать напильником, стачивая целик, чтобы привести его к нормальному бою (мастер-то готовил оружие под другую пулю). Обработывал эдак полегоньку-помаленьку, чтобы не переборщить, но ничего, управился.

Когда наконец барабаны были готовы, Виктор устроил кольту самый настоящий экзамен. Палил из него напрапалую, нарабатывая навыки обращения и проверяя возможности. Пока-

затели были весьма неплохие, как и предсказывал мастер, отработка навыков тоже прошла вполне приемлемо. Путем многократных повторений, чуть не до тошноты и боли в руках, он добился того, что все эти действия дошли до автоматизма. Тренировался как со снаряженными к бою, так и с незаряженными барабанами.

Вот только со стрельбой с двух рук никак не шло. Если использовать два револьвера мастера Лукаса (он их так и называл – «лукасы»), то вполне терпимо, хотя левая рука все равно отставала. А если в руках оказывались револьверы разных систем, то дело шло совсем плохо. Поэтому нужно было выбирать: либо один кольт, либо пара «лукасов». И дернул же его черт купить эти револьверы! Мало того что нет необходимой прочности, так еще и в паре с кольцом не используешь. А от последнего он ни за что не откажется. Ладно, обвешается оружием, как новогодняя елка разноцветными шарами. А что еще остается?

К слову сказать, он теперь без оружия даже в нужник не ходил. Вот заседает, думает о добром и вечном, а револьвер рядышком в кобуре висит, снаряженный к бою. Полезная привычка, если учитывать прежний опыт.

Испытания карабина тоже дали отличный результат. С расстояния в триста шагов он уверенно вгонял пулю в человеческий силуэт, причем не абы куда, а в район груди. Хорошим стрелком он был и в прежней жизни, а тут на прошлые знания наложился еще и глазомер скомороха Добролюба. Впрочем, кто бы сомневался в его талантах, ведь опыт уже имелся.

– Эй, парень!

Виктор разом обернулся, изготавливаясь к бою. Хорошо хоть сдуру не пальнул, а то весело было бы. Примерно в шестидесяти шагах стоял солдат. Как и положено – в зеленом мундире с красными отворотами и треуголке. Стоит с карабином в руках, направленным в сторону Виктора. Нет, он не целится, чтобы уж совсем не провоцировать на ответные действия, но, очевидно, готов к любому повороту событий. Судя по отворотам и галунам на форме, это драгун, у пехоты цвета серые.

Понятно. Стражники несут службу по обеспечению законности в городах, а вот на дорогах и просторах страны этим все больше занимаются армейцы или боевые холопы, снаряженные боярами. Но тут земли государственные, а у великого князя боевых холопов отродясь не водилось, на то у него раньше была дружина, а теперь регулярная армия имеется. Ну то есть как регулярная – пока в зачаточном состоянии, переходное такое положение от дружины к полноценной армии. Во всяком случае, большая часть конницы – посадская, а пехоты – стрельцы.

Времени на размышления оставалось немного. Либо донес кто, что здесь, у реки, частенько палят из огнестрела, либо солдаты сами услышали звуки выстрелов и поехали проверить. Как бы то ни было, Виктор также направил оружие в сторону солдата и, как и он, не стал брать противника на прицел, словно говоря, что готов постоять за себя, но на рожон не полезет.

– Чего тебе, служивый?

– Ты бы карабин-то положил на землю.

– Коли хочешь поговорить, то я готов, а вот оружие не положу. Да ты не серчай, служивый. Почем мне знать, что ты не тать, надевший на себя честный мундир? Тем паче, я так думаю, тут вас ну никак не меньше пяти и остальные меня сейчас выцеливают.

– Умен. Но ствол от меня отверни.

– Так и ты не целься. И парням скажи, пусть выходят, мне все равно со столькими не справиться.

– Ребята, выходим.

А ничего так, грамотно обложили. Да будь Виктор даже Верной Рукой (это тот, который друг индейцев), ни за что их не положить. Впрочем, это если изображать из себя неподвижного и стойкого оловянного солдатика, чем здесь грешат очень даже многие. Он-то подобных пред-

рассудков лишен начисто. Нравится кому-то изображать из себя ростовую мишень – милости просим, вот только ответной любезности от Волкова нипочем не дождетесь. Ему, конечно, по голове прилетало уже не раз, но все же удалось не заболеть на эту столь важную часть человеческого тела.

– И что дальше, служивый? – Видя, что его перестали держать на прицеле, Виктор спустил курок на предохранительный взвод и забросил ремень на плечо.

– Да-а, задал ты нам задачку. Нет чтобы татем оказаться... Сейчас как положено стрельнули бы – и вся недолга. А теперь разбираться надо.

– Ага, да еще и в начале патрулирования.

– А ты почему знаешь, что в начале?

– Утро и от града недалече. Так чего тут думать-то?

– И то верно. Ладно, садись на свою конягу – и поехали в приказ. Пусть там разбираются, кто ты есть. – Вообще-то называть боевого коня «конягой» драгуну не пристало, ну да бог с ним.

Когда они уже неспешно пылили по дороге, Виктор спросил:

– А чего вы всполошились? Донес кто?

– Нет. Мы сами выстрелы услышали. Ты прости меня, мил человек, коли обижу, но личико у тебя распахано – любо-дорого смотреть. Вот так взглянешь, и сразу казнь на лобном месте мерещится.

– Гадаешь, не тать ли я часом?

– Было поначалу, пока вплотную не подошел. С ожогом непонятно, но сабельный удар от работы мастера заплечных дел я отличу.

– С ожогом тоже все просто. Я владел постоянным двором на полпути от Звонграда до Обережной. Места знакомые? Вижу, что знакомые. Так вот, когда гульды пришли, мое подворье пожгли, а семью извели.

– Ладно, чего время терять зря... Дорогу-то знаешь? – ни с того ни с сего спросил капрал.

– Это куда?

– А куда тебе надо. В общем, не маленький, сам разберешься, а нам службу справлять надо. Бывай.

Старший патруля осадил коня, развернулся и порысил в противоположную сторону, взмахом велев остальным двигать за ним. Драгуны молча выполнили приказ, хотя на их лицах застыло недоумение.

– Ворон, а что это было? – не выдержав, спросил капрала один из солдат, весь вид которого говорил о том, что отслужил он ничуть не меньше своего начальника.

– Так мы же вместе были в гостях у Крюкова, когда он с войны возвратился и застолье устроил.

– Знамо дело вместе. Славно погуляли, – довольно улыбнулся драгун.

– А помнишь, что он сказывал про осаду крепости? Помнишь, как он говорил о трактирщике, который устроил гульдам кровавую баню?

– Да что-то такое вроде припоминаю... Больно много выпито было.

– Стало быть, про то, что того трактирщика изуродовали до звериного обличия, ты не помнишь.

– Хм... Вот про какого-то уroda с пожженным лицом помню.

– Ну слава тебе Отец Небесный, хоть что-то помнишь.

– Погоди, так ты думаешь...

– А чего тут думать? Сабельный удар ты сам видел. И то, что рана не застарелая, ясно даже нашему молодняку. И на ожоге кожа еще розовая. Да и тать иначе себя вести станет. Так что все одно к одному.

Опять золотые церковные купола, опять над землей плывет малиновый звон, какого во всей Брячиславии нипочем не услышишь, – даже столица уступит в этом Звонграду. Кто знает, может, мастера были особенно искусными, а может, место это особо располагало к благозвучию церковных звонниц, да только нигде более не слышится эта мелодия так, как здесь. Люди, доходившие до столицы Сальджукской империи, откуда пошла новая вера, утверждали, что и та уступит первенство этому небольшому славенскому граду. Впрочем, это смотря с чем сравнивать: если с имперскими городами, так да, небольшой, а если с градами славенских княжеств – так и не малый вовсе получается.

Виктор и сам не понял, в какой момент Звонград для него стал родным. Вот подъехал к нему, и словно воздух изменился, даже себя поедом грызть перестал. С чувством вины за погибших на постоялом дворе он и спать ложился, и рассвет встречал. Но вот здесь на время отпустило, впрочем, как только звон оборвался, так и черные мысли вернулись. Слишком долго он отсутствовал, за это время можно было гульдам пустить кровушку, и не раз. Но ничего, чай, не прохлаждался, готовился к предстоящему.

Можно было и не заворачивать в град, да только заказанные ножи следовало забрать, все-таки для дела заказывал. А еще решил отчего-то побывать в таверне, где раньше жена Голуба обреталась и где они впервые встретились. Виктор и не думал, что она успела для него стать чем-то большим, чем просто матерью его дочери, ведь в сердце всегда жила молодая и недоступная Смеяна. Но вот странное дело: после случившегося жену он вспоминал часто (не чаще, чем дочь, но не по одному разу в день), а вот боярышню – раз-два и обчелся. Даже сейчас вспомнил как-то вскользь. Может, правильно люди говорят: с глаз долой – из сердца вон. А как же Голуба? Так и тут народная мудрость в сторонке не осталась: имея – не ценим, потерявши – плачем. Нет, все же никакие постулаты, даже религиозные, не сравнятся с народной мудростью! Потому как все это вымучено и выстрадано, и цена за то уплачена немалая, жизни человеческие. А может, эта мудрость – от Бога? Ведь именно Он отмеряет нам чашу страданий...

Так, стоп. Страдалец. Что это ты тут сопли развел, словно в бразильском сериале? В монастырь грехи замаливать один черт не пойдешь, вон оружием обзавелся, не ради веселья же. Ты мстить собрался, а раз так, то нечего из себя разыгрывать Рыцаря печального образа или ярого поборника веры, которая учит прощать врагов своих. Так что же, в трактир не ехать? А вот в трактир как раз нужно, хотя бы потому, что снеди у тебя нет никакой, все вышло.

Когда Виктор зашел в кружало, сразу почувствовал кислый запах выпивки, квашеной капусты и давно не мытых тел завсегдатаев. Дело близится к вечеру, так что подтягиваются страдалцы, несут заработанные за день копейки. Как эти копейки заработаны, вопрос иной. Кто-то находит приработок. Кому-то улыбнулся Авось и удалось облегчить зазевавшегося ротозея, от коего этот капризный бог отвернулся. Кто-то надавил на жалость, и люди поделились копеечкой с увечным или обездоленным... Это не имеет значения – здесь они все честно платят, потому как заработанное нужно куда-то девать, а по большому счету, все дела ради вот таких посиделок и делаются. Ведь тут можно не только набить брюхо вполне вкусной едой, но еще и отдохнуть телом, которому, кроме выпивки, потребно еще кое-что – например, баба. Все это тут найдется. Кстати, покойная жена Виктора как раз отсюда и была и занималась тут тем самым непотребством... Ну да не о том речь.

В нос ударил знакомый аромат наваристых щей. Как в этом месте умудрялись переплетаться самые разнообразные запахи, для Виктора оставалось загадкой. А главное, он не мог взять в толк, как в подобной забегаловке умудрялись готовить невероятно вкусные блюда! Но факт оставался фактом. Если тебя не отпугивал непрезентабельный вид заведения, то ты имел все шансы поесть по-настоящему вкусно и недорого. Блюда тут готовили простые, немудреные, но сытные.

Виктор по старой привычке бросил взгляд туда, где обычно сиживал, а потому стал свидетелем того, как трактирщик выпроваживает оттуда завсегдатая, которого Волков помнил еще

по прежним временам. Не иначе как ждет какого-то важного для него человека, просто так он бы не стал никого двигать.

– Ты чего? – возмутился посетитель.

– Иди за другой стол, кому сказано, – сердито прикрикнул трактирщик. – Давай-давай, и не оглядывайся мне тут.

И, обмахнув стол полотенцем не первой свежести, позвал:

– Добролюб, проходи.

О как! Это его, что ли, так встречают? А как это его узнали-то, коли он и сам, глядя в зеркало, себя не опознает? Вот ведь однако. Виктор не стал отнекиваться, к тому же ему хотелось занять именно этот стол. Он опустился на скамью и непроизвольно бросил взгляд в зал, всматриваясь в девичьи фигуры подавальщиц. А потом что-то сильно кольнуло в груди, и он сразу сник. Не будет этого. Ничего уже не будет. Нет ее.

Молодая девка двигается семенящей походкой и несет в руках большой поднос, на котором тарелки со шами и кашей, щедро сдобренной мясом, а также запотевший кувшин с квасом. Все как всегда. Это хозяин заведения, едва увидев его в дверях, предупредил холопку, а сам пошел организовывать место, потому как только он и Голуба знали о вкусах Добролюба. Взглянув на девку, он увидел, что ее лицо тоже знакомо. Именем никогда не интересовался, но она и тогда здесь обслуживала клиентов, Виктор частенько наблюдал, как они с Голубой в уголке шушукались.

Подавальщица сноровисто расставила на столе снедь и удалилась. Трактирщик задержался на мгновение, но затем, кивнув своим мыслям, пожелал приятного аппетита и тоже пошел по своим делам. Время сейчас бойкое, скоро яблоку упасть негде будет, так что забот хватает. А кухня здесь ничуть не изменилась, по-прежнему все вкусно. Ненадолго Виктор позабыл о своих горестях. Был у него грешок: любил вкусно поесть. Наверное, оттого, что мамка, несмотря на малый достаток в семье, всегда хорошо готовила и могла устроить праздничный стол из простых продуктов «ежедневной потребительской корзины» – такое вот модное выражение появилось в России на рубеже двадцатого и двадцать первого веков.

С ужином было покончено, и Виктор лениво цедил вторую кружку кваса. К нему вновь подошел хозяин кружала:

– Как тебе, Добролюб?

– Спасибо, все как всегда.

– Вот и славно.

Хм. А вот такого отродясь за ним не водилось... Трактирщик без лишних слов устроился напротив и как-то потупился. А вот подошла и подружка Голубы. В руках она держала малый поднос, на нем стояла бутылка, в каких обычно хлебное вино хранят (считай, та же водка), да три чарки. Поставила все на стол и сама присела, когда хозяин кивнул.

– Ты не обессудь, Добролюб... да только разное сказывают. Мы вас с Голубой в последний раз по осени видели, когда вы в град за покупками приезжали. Ты это... если что, так гони нас, мы пойдем.

– Да чего ты жмешься, как баба! Нормально сказывай давай. – Вроде и с толикой грубости постарался ответить, а у самого ком в горле стоит. И его состояние поймет любой, кто слышит его дрогнувший голос.

– Правда ли, что поженились вы и дите у вас было, а в войну ты всех потерял?

Спрашивает трактирщик, а сам понимает, что не нужно ему уж ничего слышать, потому что и так все яснее ясно. Ответ аршинными буквами написан мокрыми дорожками слез на почерневшем лице. Губы бывшего скомороха дрожали. А еще страшно становится от того зрелища, что собой представляет некогда красивое лицо. Зверь, как есть зверь, страдающий, злобный, кроткий и свирепый – не описать словами все то, что увидели присевшие напротив мужчины в годах и молодая девушка.

– Все правда. И женой она мне была, и матерью дитяти нашего. И смерть приняла лютую вместе с дочуркой и домочадцами.

– Царствие им небесное.

Когда только успел разлить водку по чаркам? Здесь так же, как и на Земле, горькой поминали усопших. Вот только выставлять чарку с краюхой черного хлеба не принято, как и проливать на землю или хлеб капли напитка – дань усопшим. Ну да не все должно быть одинаково, а по идее, так и вовсе удивительно, что столько общего между земным и этим миром. Выпили не чокаясь. Видать, душой этот торговец к своим девкам все же не как к мясу относится. Хотя и выгоды своей не теряет, но по-своему любит подопечных и заботится о них. Все говорит об этом, стоит только вспомнить богатый гардероб, который Голуба с собой отсюда унесла. Далеко не каждая вольная может себе позволить такие красивые наряды, какие носят его холопки. Да и сейчас: ведь с чистым сердцем подошел к Добролюбу. И девке позволил присесть, хоть и холопка она.

Виктор глянул в глаза девушке и тут же вскинулся, словно шерсть на загровке встала дыбом. А вот жалеть его не надо! Жалеть нужно тех, кого он еще повстречает и с кого цену спросит! А он спросит!!! Ясно почувствовав изменившееся настроение гостя, девушка тут же засуетилась. Сноровисто собрала посуду, оставив только кувшин с недопитым квасом и кружку, и мышкой скользнула в сторону. Вот только была – и уже нет. Но трактирщик остался.

– Не сердчай, Добролюб. Голуба была моей холопкой, да только ни к кому из них я плохо не относился. И не безразлично мне, что с ними станется.

– Это ты меня прости. Злоба моя не к вам относится.

– Оно понятно. Тут недавно объявился кузнец Богдан, что был твоим обельным холопом. Сказывает, будто в съезжей получил от тебя грамоту и теперь он вольный.

– Объявился, стало быть?

– Объявился. Да только не тот ныне Богдан. От прежнего кузнеца ничегошеньки не осталось.

– А что такое?

– Пьет безбожно. Напьется – и валится под стол. Продерет глаза – и снова пьет. Смотрю на него и диву даюсь. Ведь помню еще по прежним временам: мастер – золотые руки. А теперь так опустился, даже воля ему не в радость. Сейчас на заднем дворе спит, но скоро уж проснется.

– Горе у человека. Он всю свою семью потерял.

– А у тебя радость?

– Я иное, – тяжело вздохнул Виктор. – Он свое горе в вине топит, а я в ярости.

– Слышал я, какую трепку ты гульдам задал. Они почитай сразу от стен Звонграда покатились обратно. Даже великого князя с войском дожидаться не стали. А тот, не заворачивая в град, сразу следом двинул. Наше ополчение и гарнизон тут же к нему присоединились. Народ бает, что ты в одиночку ту войну выиграл.

– Не знаю, что там молва мне приписывает... Сдается мне, слишком многое. Но сделанное – только начало. Если не пойду и дальше гульдов резать, то тоже, как Богдан, стану пить. А мне того не надо, потому как тогда я себя вконец потеряю.

– Дак ведь замирение вышло!

– А мне какая с того печаль? Я им ничего не простил. Великий князь мир подписывал, так он пусть и лобзается с ними в десны, а мне это противно.

– Эвон Богдан проснулся.

Меняя тему, трактирщик кивнул в сторону двери. На пороге стоял Орехин, узнать которого было мудрено. Помятый, исхудавший, с всклокоченной бородой и гривой нечесаных и немых волос, в грязной, изодранной одежде. Даже бомжи из родного мира Виктора на его фоне выглядели бы более пристойно. Равнодушно наблюдать за тем, как человек, которого ты уважал, опускается на дно жизни, Волков не мог.

– На что же он пьет-то? – Судя по виду, приработком кузнец себя не утруждает, просто некогда. Коли ты, не успев продрать глаза, снова накачиваешься до потери сознания, то какая уж тут работа. Так что вопрос был вполне уместным.

– Он как в первый день надрался, его местные прохиндеи хотели обчистить, но я не дал. Сам выгреб все, а серебра при нем оказалось изрядно. На следующий день хотел отдать, а он говорит, мол, пусть у тебя будет, потому как я все равно потеряю. Мол, пои меня и корми, пока не закончится деньга, а как выйдет, гони взашей. Да только не ест он, почитай, только и знает, что пьет. Так что пока на выпивку хватает.

– Выходит, оказал я ему медвежью услугу.

– А ты-то тут каким боком?

– Оставил у Горазда для него вещь о вольной, что ждет его в съезжей, и велел передать десять рублей серебром. Да еще при нем должно было быть сколько-то денег, ведь на полгода снаряжал в чужие края.

– А-а, ну тогда понятно.

Виктор хотел было подняться, но трактирщик его остановил. Сам направился к Богдану, указал на столик, выслушал его, кивнул в знак того, что понял, и пошел к стойке. Кузнец же, а ныне просто пропойца, двинулся к Волкову.

– Ты, что ли, хотел меня видеть? – Голос злой, какой бывает у людей с глубокого похмелья, когда душа просит выпить, а кто-то задает глупые вопросы и непременно хочет получить на них ответы.

– Здравствуй, Богдан.

– Откуда ты меня знаешь?

– Люди посторонние меня все же узнают, хотя и лик и голос изменились, а ты, как погляжу, признать не желаешь.

– Добролюб?!

– Он самый, – невесело ухмыльнулся Виктор.

Богдан непроизвольно отшатнулся, словно в звериную пасть только что заглянул. Но очень быстро пришел в себя, потому как не зверь это, а человек, мало того, именно он повинен в гибели его близких.

– Стало быть, живой, – сквозь зубы выдавил кузнец. – Ты живой, Горазд живой, а мои в землю сырую легли. Так, что ли, получается?

– Ты слюной-то не брызгай. В чем хочешь меня и Горазда обвинить? В том, что я жену и дочку потерял, а он своими глазами видел, как над его невестой изгалялись, а потом вместе со всеми лютой смерти предали? Или хочешь, чтобы я тебя пожалел и виниться перед тобой начал? Не будет того.

– А ты чего на меня кричишь?! Я нынче тебе не холоп.

– Знаю. Сам вольную писал, так что не трудись объяснять. Коли во всем винишь меня и слушать ничего не хочешь, а только жалости просишь, то иди своей дорогой. У тебя еще рубль три осталось – прображничаешь, а потом под забором подохнешь. Вот Млада на небесах возрадуется, глядя, как ты тризну по ней справляешь, и с распростертыми объятиями встретит. Впрочем, это вряд ли. Она-то через мученическую смерть в рай попала, а ты, доведя себя до кончины, прямиком в ад отправишься. Так что, говорить будем? Если да, тогда садись, а нет – проваливай.

Богдан сел на лавку, как подрубленный, ноги сами подогнулись. Крепко сделанная лавка жалобно скрипнула от внезапно навалившейся тяжести. Богдан сейчас вроде и исхудал почитай вдвое против прежнего, да только весу в нем было изрядно, потому как костяк крупный. Сел, облокотился о стол и залился слезами, без рыданий, молча, только плечи порой подрагивали.

– Ты прости меня, Добролюб, сам не ведаю, что творю. Разве ж я не вижу, что и Горазда с того света едва вынули, и тебе досталось так, что врагу не пожелаешь. Да только сердце раз-

рывается. Когда детишек малых хоронили, тоже душа стонала, но та боль ничто по сравнению с этой... когда всех порешили... а Млада ведь тяжелая была.

– Знаю.

– И как мне быть, Добролюб? Что делать?

– Это решать тебе. А только жалеть себя любимого – не дело.

– А что же, к наковальне становиться?

– А хотя бы и так. Я вот для себя решил, что буду резать гульдов, покуда сил моих хватит.

– И я с тобой, – вдруг спохватился Богдан. – Стрелять я обученный, так что одного-двоих спроважу на тот свет, а там и помереть можно.

– А не нужен ты мне в бою с таким настроением, потому как я жить хочу долго, очень долго – и так, чтобы гульдам каждый день моей жизни в горесть был. Вот как я хочу жить, а не по-дурному смерть принять.

– Ну так, значит, так.

– Не пойдет, Богдан. Не держи обиду, но не боец ты.

– Так что же мне тогда остается? Пить? Или самому податься в Гульдию?

– Неверно мыслишь.

– А как надо? Подскажи.

– Я хочу ватагу сбить и докучать гульдам. Но это дело простое. А вот обеспечить ватагу всем потребным для боя – это вопрос куда более серьезный. Вот где ты мне понадобишься, как никто другой.

– Стало быть, к наковальне?

– Можно и так сказать. Будешь ковать нам оружие и всякое снаряжение.

– Я ведь не оружейных дел мастер.

– Не беда. Не боги горшки обжигали, научишься. А уж тем оружием мы постараемся кровушку аспидам пустить так, что озеро запрудить можно будет.

В этот момент к столу подошла давешняя подавальщица и поставила перед Богданом кувшин с вином и кружку, после чего удалилась. Кузнец с вождением посмотрел на кувшин и уже потянулся к нему, когда вновь заговорил Виктор:

– Если мучит жажда, у меня еще квас остался, попей. Коли возьмешь вино, считай – разговору не было. Я готов помочь, подсказать, поддержать, но сопли утирать не стану. И жалости от меня не жди.

Богдан с нескрываемой злобой посмотрел на Виктора. Вот кто объяснит, отчего у пьяных и тем более у похмельных так резко меняется настроение? То он кроткий, как ягненок, и ласковый, как кошененок, а то взъярится, как тигра зубатая. Волков спокойно выдержал этот взгляд. Кузнец, все так же злобно глядя на бывшего хозяина, схватил кувшин и разом опрокинул себе в глотку. Правда, длилось это недолго, потому как квасу там оставалось на пару глотков, – скорее не для утоления жажды, а для обозначения позиции. Вот и ладно. Пусть лучше злится на Виктора, нежели топит свое горе в вине. Помощь Богдана ой как понадобится, имелись у Виктора кое-какие задумки.

Этого не могло быть, но все же оно было. Постоялый двор, от которого не осталось и следа, взирал на своего хозяина новенькими постройками все еще светлых бревен. Прежний был тоже не особо старый, но дерево уже успело потемнеть. Только ворота прежние остались, с подпалинами от бушевавшего тут пожара и отметинами от гвоздей, коими был прибит Горазд. Все выглядело один в один, даже мастерские на заднем дворе с фермами под ветряки. Как такое возможно?

Когда кузнец и хозяин подворья приблизились вплотную к воротам, навстречу им вышел Горазд. Ступает тяжело, сильно опираясь на клюку, но держится на своих ногах, передвигается без посторонней помощи.

– Здрав будь, Добролюб.

– И тебе скорейшего выздоровления. А что тут происходит? Никак воевода кому отдал землю под постоянный двор?

– А кому он его может отдать? – вопросом на вопрос ответил парень. – Твой это двор.

– А за какие деньги?.. Кто?..

– Лес полковой воевода выделил, а строили селяне. Сначала твое подворье восстановили, а только потом за село принялись. Староста попросил людей, так что всем миром навалились.

– Да как же так-то?! Вот-вот дожди зарядят, не успеют свои дома поднять.

– Людей сюда силком никто не тянул. Знать, ведают, что делают.

По всему выходит – селяне считали себя виноватыми в том, что здесь стряслось. Ведь не понадеясь староста понапрасну на то, что гонец, принесший весть о войне, заедет и на постоянный двор, обязательно известил бы обитателей подворья о навалившейся беде. А тогда и горя того не случилось бы, лишь подворье и пожгли бы. Но Виктор простил старосту, потому как злого умысла тот не имел, а случившегося не воротишь.

Виктор все еще не решался проехать на подворье, когда к Горазду подбежал мальчишка лет четырнадцати. На самом деле тому было только двенадцать, но больно уж вымахал малец, обещающая стать чудо-богатырем. Приблизившись к Горазду, парнишка начал прилаживать к тому свое плечо, недовольно бурча:

– Куда убег-то? Сказала же мамка, чтобы один не хаживал. Тебе-то ничего, а мне холку намылят.

– Это кто такой заботливый-то?

От этой сцены у Виктора тепло по сердцу растеклось. А жизнь-то идет своим чередом. Люди влюбляются, заботятся друг о друге... Это у него все черным-черно, а мир все так же полон разнообразных красок. Вот только Виктор отчего-то перестал цвета различать, только мельком видел, вот как сейчас.

– Братишка мой.

– Это средний, что ли?

– Нет, это младший, Мишка, – просиял Горазд. Давно улыбка не играла на его лице. Вот с того самого рокового дня Виктор ее и не наблюдал. – Он у нас с младенчества в здоровяках ходит, потому в честь Михайло Потапыча и прозывается. Старшие сейчас по хозяйству управляют.

У Горазда было три брата. Младшему скоро исполнится двенадцать. Средние двое, как говорил парень, хотя и в один день родились, но совсем не похожи друг на друга, – выходит, двойняшки, а не близнецы. Им было по четырнадцать. Может, и они такие же переростки? Хотя, может, и нет. Сам Горазд вон не больно-то старше своих лет выглядит.

– Выходит, выкупил своих?

– Благослови тебя Отец Небесный! Как есть выкупил. Да еще денюга осталась – прикупил на подворье твое пару коровенок, лошадку да кой-чего еще по хозяйству.

– Я же сказал – это твои деньги.

– Помню. Да только не заработал я столько, – упрямо сжал губы парень. – И без того долг большой был.

– Повторяю: эти деньги – твои, а стало быть, и животины, и все, что ты прикупил. Но я готов выкупить у тебя то, что тебе будет не нужно.

– Ты вот что, Добролюб... Мы добро помним, но и обязанными быть не любим. Тебе тут на подворье помощники все равно нужны, вот мы и решили... Если ты не против.

– Я? Да ни за что. Но касательно серебра будет так, как я сказал.

Подворье восстановили один к одному. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Селяне не раз и не два бывали здесь, всё видели, всё примечали. Что осталось скрытым от их взора, подсказал Горазд. Вот только лучше бы они не старались так рьяно... Богдана тут же

накрыло, да так тяжело, что он уплелся в новую кузню, в которой от старой оставался только горн, и разревелся навзрыд. А и то! Вон постоянный двор уничтожили под корень, а пришли люди, приложили руку – и стоит двор краше прежнего. А жизни людские не вернуть.

Прошли и к пруду, на берегу которого возвышался ладно сделанный крест, установленный над общей могилой семьи Богдана и Виктора. Тут дюжий кузнец вновь не выдержал, разрыдался и упал в ноги Волкову. И с чего он набросился на него там, в трактире? Что им делить? Вот они, покойные родичи, под одной горкой. И боль у них – одна на двоих. Взгляд кузнеца скользнул в сторону и наткнулся на Горазда, стоящего немного в стороне с влажными дорожками на щеках. Не на двоих, выходит, на троих. И за что, ты так-то, Отец Небесный?!

Потом прошли в дом. Матушка Горазда, баба моложавая, едва за тридцать, накрыла на стол, чтобы попотчевать вернувшихся. Хозяйка оказалась добрая. Все прибрано, все на своих местах, чисто и чинно. Виктор присмотрелся к женщине. А ведь красивая и статная баба. И не скажешь, что четверых родила. Да, вроде четверых, насколько помнил Виктор из рассказов Горазда, – их семью смерть детей обошла стороной. Звать Беляной, как есть беляна, натуральная блондинка, не иначе как в роду была северная кровь.

– А где же глава? Груздь, если правильно помню, – когда обед уж подходил к концу, вдруг встрепенулся Виктор.

– Занедужил он, – вздохнула Беляна. – Уже хворого привезли. Тут Гораздушка приглашала бабушку травницу, так она рассказывает, что не жилец. Хворь не заразная, но поедом его съедает. Может, до холодов и не дотянет.

Вот ведь сподобил Отец Небесный! Ушли от одной беды, а другая следом идет. Права все же народная мудрость. Горе и радость – две сестры, одна без другой никуда. Вроде и радоваться надо Горазду, родичей из неволи вытащил, а с другой стороны – и сам любимую потерял, и отца вот-вот потеряет. Не знала Беляна Веселину, но искренне оплакивала. Невозможно смотреть на то, как мается сын, кровиночка родная. Сердце материнское от горя разрывалось...

– Добролюб, вопрос имею, – нерешительно начал Горазд.

– Имеешь – спрашивай, – подбодрил Виктор.

– Гляжу я на тебя и вижу: не в радость тебе то, что подворье вновь на прежнем месте. Вижу, ничего ты не прости и не позабыл. Что делать думаешь?

– Думаю на гульдскую сторонку сходить да посчитаться. Богдан здесь останется, будет оружие готовить. Есть у меня задумки, да самому заниматься некогда. Так что станем вместе врага бить: я там, а он отсюда пособлять будет.

– Я с тобой.

– И этот туда же. Не боец ведь!

– Не беда. Даром, что ли, Гораздом прозвали? Я быстро учусь. Эвон и стрелять наловчился, почитай, не хуже твоего, и ножи метал лучше Ждана покойного... Так что обузой не буду.

– Отец у тебя хворый, так что ты за главу семьи.

– Семья не пропадет, все при деле. И то, что сам я хворый, – не беда, поправляюсь уже. Сразу, конечно, не получится, но чуть погодя очень даже смогу к тебе присоединиться.

– Поправляйся, а там видно будет.

– Богдан, возьмешь моих братьев к себе в ученики? – обратился парень к кузнецу.

– Эка ты раскомандовался, – хмыкнул тот. Он уже пришел в себя, хотя все еще хмурился. – На подворье ведь хозяин есть, а тут хозяйство немалое. Скоро купцы пойдут, ямских коней уж поставили, да своя живность имеется – за всем догляд нужен.

– Это мелочи, – вступился Виктор. – За хозяйством ребятки присмотрят. Горазд один успевал поворачиваться, а тут трое. Так что час – днем, час – вечером, а остальное время – с тобой, если согласишься. Как, управятся? А, Горазд?

– Мои братья мне ни в чем не уступят.

– А как же с домом? Ведь даже наши бабы втроем поворачивались, а тут она одна, – все еще пытался возразить Орехин, прекрасно понимая, что в мастерских ему одному не управиться. Непременно нужно, чтобы кто-то придержал, подал, пособил.

– К селянам обратимся. Им приработок ой как нужен, так что помощниц найдем.

– А платить ты станешь? – вновь остудил Горазда Богдан.

Парень не на шутку стушевался. А и в самом деле – сыпет словами, словно его подворье.

– Платить буду я, – сказал Виктор. – Решено. Скажешь матери, чтобы сама подобрала себе помощниц. Кстати, а как там в селе? Все обошлось?

– Все, как ты и думал. Только князь выделил лишь лес, а продуктами помощь оказал боярин Смолин. А им куда деваться.

– Ну часть-то помощи в уплату за мое подворье пошло.

– Как бы не так. Отказались крестьяне от платы, за так ставили подворье. Они, может, и не стали бы такую глупость городить, да ведь не поняли сразу, что все строится за счет боярина, в благодарность тебе за Обережную, потому как сынок ему все как есть поведал.

– Выходит, не князь решил вольное село под себя пригнуть, а воевода-батюшка.

– Выходит, что так, да только хрен редьки не слаще. Следующей осенью им нечем будет подати платить, будут бить челом, просить отсрочки. Да только все одно – через два года всем селом в закупы уйдут, а там затянется петля. Мне за своих, почитай, вдвое пришлось переплачивать, а ведь и полного года не прошло.

– Стало быть, так. На все воля Божья. Ну чего ты на меня глядишь? Понимаю, что жаль тебе селян, потому как куда приведет их эта дорожка, известно. Да только меня это не касается.

А ведь действительно, он что, должен устроить здесь борьбу за права человека? Разберутся как-нибудь сами со своей жизнью, а у него своих забот полон рот. Но сначала нужно Беляну с Богданом отправить в град, чтобы закупились всем необходимым. Она – по хозяйству, а он пусть начинает оснащать кузницу и мастерские. Если пойдет дело так, как задумал Виктор, гульды волком взвоют. Но ему потребуется крепкий тыл.

Глава 2

Тать

Пылевое облако все приближается. Виктор поудобнее приладил карабин и проверил, как там второй. Нормально, все под рукой. До дороги едва семьдесят шагов, с такого расстояния, да с помощью новой пули, не промажет. Ну уж первый-то выстрел точно попадет в цель, а там как получится. Но все равно плохо не должно быть – сколько пороху сожжено на тренировках! В своих способностях он не сомневался. Да и расстояние так себе. Жаль только, эта добыча ему не по зубам.

Облако пыли больно уж большое. Это либо несколько всадников, либо карета. Если первое, то придется поскрежетать зубами, но все же пропустить, недавний случай на дороге с четырьмя драгунами, завершившийся благополучно, – скорее исключение, чем правило. Повезло ему тогда, чего уж там. Сейчас так по-глупому он нарываться не станет. Впрочем, и тогда не нарывался, случайно все получилось. И выхода у него не было иного, кроме как принять бой. Если карета, то тут по обстоятельствам. Окажется, к примеру, почтовая, пропустит, разумеется, тут уж без вариантов. Там народу – больше десятка, и мужчины вполне могут быть вооружены, а ему и спину прикрыть некому. Та же песня, если какая дворянская с сопровождением.

Еще немного – и картина прояснилась. Ни одно из его предположений не подтвердилось. Это была карета, вот только не почтовая, а самая обычная легкая, запряженная парой лошадей. По всей видимости, принадлежит какому-то дворянину, но без сопровождения. На козлах сидят двое: кучер и охранник. Последний, вцепившись в мушкет, крутит головой по сторонам, впрочем не забывая при этом болтать с соседом.

Взять карету Виктор мог без особого труда. Всего и надо-то – снять кучера. Охранник будет вынужден взяться за вожжи, а какой из него тогда стрелок? Да даже если и умудрится выстрелить, поди попади в Виктора с качающейся кареты. Он хотя и на открытом месте на взгорочке, но лежит в отрытом окопчике. Нет, для такой мишени даже не Верной Рукой нужно быть, а чем-то еще более серьезным.

Бить этих или обождать кого другого? В принципе время у него не ограничено. Прикинул возможную добычу. Кони справные, в Брячиславии такой товар стоит дорого, поскольку там для каретной упряжи лошадей не разводят. Да и у пассажиров кое-что в кошелях найдется. А еще это, по прикидкам, четверо убитых гульдов. А зачем он тут? Не ради одной ведь добычи. Правда, добыча тоже имела смысл, потому как планы у него обширные и требуют серьезных вложений. Ладно. Прости меня, Отец Небесный, на том свете спросишь, а сейчас просто не мешай.

Карабин на бруствере, обложенном дерном, лежит не шелохнется. Прицел выдерживается уверенно, упреждение брать не нужно, потому как цель сейчас движется прямоком на него. Дорога делает поворот напротив его позиции, так что два выстрела он точно успеет сделать.

Выстрел! Кучер нелепо взмахивает руками и опрокидывается назад, бьется о стенку и заваливается вправо, после чего падает в дорожную пыль. Колеса проносятся мимо, не задев его, но это не имеет значения, с возницей он разберется позже, когда придет время.

Периферийным зрением сопровождает полет кучера, а сам следит за охранником. Что тот станет делать? Видать, битый жизнью мужик, все же начинать нужно было с него. Две секунды прошло, не больше, прежде чем Виктор схватил второй карабин с уже взведенным курком и посадил охранника на мушку. Но за эти мгновения тот успел перехватить вожжи и начал погонять лошадей, при этом соскользнув с сиденья и качаясь из стороны в сторону. К тому же, раз-

ворачиваясь, он съехал с дороги, а на неровностях обочины карету немилосердно раскачивает. Наверное, пассажиры сейчас клянут его последними словами, внутри мотает их жутко. Если замок на дверце не выдержит, то кто-нибудь обязательно вывалится. Чертовы кремневки! У Виктора лишь один выстрел, а в таких условиях, что организовал охранник, он вполне может его запороть. Потом останется только палить из револьвера, а это все-таки оружие ближнего боя.

Впечатление такое: еще чуть-чуть, еще одна кочка – и карета опрокинется. Но она не опрокидывалась. Охранник благодаря дыму от выстрела сумел засесть, где именно засел тать, а потому понимает: необходимо как можно быстрее закончить разворот и тогда корпус кареты скроет его от стрелка. Под угрозой остаются пассажиры, но он что-то кричит, можно предположить – советует пригнуться или лечь на пол.

Да опрокинешься ты или нет?! Нет, гадина такая, не опрокинется. Охранник уже практически полностью скрыт кабиной. Эх, грехи наши тяжкие... Прости, лошадка. Вот в эту цель он точно попадет, но нужно торопиться, потому что левую лошадь он может взять в прицел уже с большим трудом.

Выстрел! Лошадь справа вдруг запнулась, передние ноги подогнулись. На такой скорости она должна кувыркнуться через голову, но этого не происходит – ее удерживает упряжь. Лошадь падает мордой в траву. Вторая спотыкается, но удержаться на ногах ей не удается. Карету, которая уже вошла в поворот, несет боком. Треск ломаемого дерева (наверное, дышло или ось с передними колесами оторвало), карета заваливается набок, и ее протаскивает по траве юзом несколько метров.

Хорошо хоть на траве нет пыли. Виктору все прекрасно видно. Он бежит к месту катастрофы, зажав в правой руке кольт. Ему просто необходимо видеть, что там происходит. «Лукасы» он решил передать Горазду, все же благодаря сменным барабанам его оружие гораздо более практично, но вот сейчас и сам не отказался бы от еще одного револьвера, да хотя бы от обычного пистоля. Впрочем, это бесплотное и непрактичное желание: нож, скользнувший в руку, будет полезнее. Бой должен быть лицом к лицу. К тому моменту, когда люди внутри кареты придут в себя и соберутся вылезти наружу, он окажется на расстоянии вытянутой руки и будет думать, как их оттуда выковыривать. Приложило их все же знатно.

Но сейчас мысли не о пассажирах. Они пока не представляют опасности, к тому же среди пассажиров вполне может оказаться женщина. Мысль о том, что придется убить представительницу слабого пола, не вызвала ровным счетом никаких эмоций. А вот охранник... Тварь! Пуля вжикнула у самого уха. Одновременно он услышал и звук раздавшегося выстрела: очень похоже на крупного неповоротливого шмеля. Нет, нормально, а?! Этот паразит успел не просто выпрыгнуть, но еще и оружие с собой прихватил. Да не простое, а мушкет! Вон, уже тянет из-за пояса пистоль. Расстояние – не больше тридцати шагов. Виктор распластался в полете, стреляя в противника и слыша ответный выстрел. Выстрел аховый, просто в направлении неприятеля, ни о каком прицеле и речи быть не может. Куда улетела пуля охранника, Волков не понял. Вероятно, тот не ожидал такого ловкого ухода с линии прицеливания, а возможно, занервничал, когда выстрелили в него самого. Именно в расчете на то, что сдадут нервы противника, Волков и стрелял.

Кувырок через голову, встал на одно колено: они так бесились в свое время с друзьями в армии. Вот только оружие еще не взведено, у него ведь не автомат. Виктор тут же делает еще один через правое плечо, уходя в ту же сторону. Распластался на траве, перекач влево. Выстрел! Есть! Этот гад разрядил свой второй пистоль, и пуля бьет где-то рядом. Виктор слышит удар, все же свинцовый шарик имеет диаметр порядка двух сантиметров (может, чуть меньше) и вес примерно сорок граммов, – меньшие калибры больно дороги для простолюдинов.

Виктор вновь становится на колено. Хорошо все же, что он попал в тело акробата. Помнится, в армии после таких кульбитов всегда немного кружилась голова. Здесь же с координа-

цией полный порядок, даже сотрясение от удара палашиком по голове прошло без последствий. Вот он, враг, – бежит, выхватив тесак, он ведь отчетливо видел только один пистоль, и нападающий секунду назад его разрядил. Ну-ну. Свою ошибку охранник понял, когда увидел, что вместо того, чтобы готовиться к схватке, Волков взводит курок револьвера. Мужчина был достаточно близко, а потому сумел рассмотреть, что оружие необычное. Спасая положение, он так же, как и несколько мгновений назад Виктор, распластался в полете. Но это ему не помогло. Стоящий на колене человек тщательно прицеливается и нажимает на спуск... Немного подправил прицел... Нападающего на миг заволокло дымом, но не очень плотным, а потому было видно, как охранник мешком упал на траву.

Подняться на ноги и преодолеть пять или шесть метров, разделяющие их, – дело двух секунд. Присесть, вогнать нож в грудь. Реакции – ноль. Ну и ладно, прыткий ты наш. Надо двигаться дальше.

Когда Виктор подбегает к карете, кольт уже готов к бою. Изнутри доносятся звуки возни. Ну и как до вас добираться? Лезть через верх? Если там вооруженные люди, можно и пулю схлопотать. Стоп. А это что? Окошко для заднего обзора забрано стеклом, а до недавнего времени еще и было занавешено шторками, которые сорвало в ходе последних событий. Вполне можно рассмотреть, что там творится.

Находящиеся внутри, как видно, напрочь позабыли об этом оконце. Видна фигурка девушки. Та прижалась к крыше, сейчас выполняющей роль боковой стенки. Ее видно хорошо, потому как она сидит. Расставив слегка согнутые ноги, стоит мужчина, его видно только до бедер. А больше, по большому счету, и не нужно. Виктор быстро прицеливается в ногу и нажимает на спуск. Мужчина подламывается и падает. Он пытается осмыслить, откуда пришла опасность, видит окошко, вытягивает в его сторону руку с пистолем... Поздно. Звучит повторный выстрел, и пуля входит точно в сердце. С такого расстояния попадет даже криворукий. Девушка кричит навзрыд... Еще выстрел...

Стрекот кузнечиков, хрип раненой лошади, всхрапывание второй – надо же, поднялась-таки на ноги, может, и не пострадала... Иных звуков нет. Виктор сквозь окошко осматривает салон. Больше никого. Теперь пора потрошить багаж и тела, не в смысле как на бойне, а... Понятно, одним словом. И нужно поторопиться, мало ли кого принесет на звуки канонады, постреляли славно.

В револьвере последний заряд, нужно перезарядиться, но не убирать же барабан просто так. Пройдя пару десятков шагов, он приставил ствол к уху бьющейся в агонии лошади и нажал на спуск. Звук получился приглушенным и далеко разнести никак не мог. Конечно, и без того пошумели изрядно, но к чему лишнее? Теперь осталось откинуть барабан, заменить новым, подсыпать порох в коробочку на кресале, кресало – в боевое положение, курок – на предохранительный взвод. Все, к неожиданностям готов.

В карету он забрался через дверь, которая сейчас представляла собой скорее крышку. Проломить, к примеру, крышу было бы куда удобнее, но как это сделать быстро без топора? Рейки и панели – довольно тонкие, но время на то, чтобы их раскурочить, потратить все же придется. Высота не особо большая, тело тренированное ловкое и гибкое. Раз! – и он уже наверху, а дверца откинута в сторону.

Оказавшись внутри, Виктор равнодушно провел контроль: поочередно вонзил клинок в грудь мужчине и, как оказалось, женщине среднего возраста, просто ухоженной и выглядящей гораздо моложе своих лет. Реакции никакой, пулевые раны оказались смертельными. Среди вещей, вывалившихся из ящиков под сиденьями, он тут же разглядел какой-то мешочек. Расцветочка веселенькая, но размеры вполне подходящие. Он развязал горловину, стянутую шнурочком, и вытряхнул из него изящные туфельки. Теперь можно и делом заняться.

Перво-наперво снял драгоценности с женщины, и проделал это без церемоний: просто и без затей сорвал колье и серьги, сдернул брошь, стянул кольца и браслеты с рук. Платье было

вышито, похоже, настоящим жемчугом, но терять на него время он не стал. С мужчиной он проделал все то же самое, у того даже серьга в ухе была – массивная, из золота, с каким-то зеленым камнем. Гомик, что ли? Или у них такое украшение считается нормой? В кармане камзола обнаружился кошель (содержимым Виктор решил поинтересоваться позже), но тощий. Ага, за отворотом камзола на груди еще один, этот набит основательно. Под ноги попала сумочка в цвет платья женщины. Виктор заглянул вовнутрь. Тоже кошель, зеркальце, пудреница... Ясно. Кошель – в мешочек, остальное – в сторону. Ага, чуть не забыл пистолы. Ладные такие, инкрустация не то чтобы богатая, но работа знатная, и калибр чуть больше, чем у пистолей Виктора. Такое оружие здесь абы как не делают, все же с малыми калибрами возиться при имеющихся технологиях – та еще морока. Следующим трофеем стала шпага. Вроде ничего так. Ее он сразу выбросил наружу, неудобно тут с нею.

Плетеные короба, картонные коробки и коробочки различной формы, есть даже в форме сердечка. Он не пропустил ничего, но там оказались различные тряпки или женские штучки, вещи для него бесполезные. В одном из коробов красивой работы, сплетенном из лыка, нашлась шкатулка изрядных размеров, чуть ли не ларец. Пришлось снова подбирать сумочку, чтобы найти в ней ключ. Вещь, скорее всего, принадлежала женщине, а те ключи предпочитают хранить именно в сумочках. Все верно, вот он. Сухо щелкнул замок. Кольца, серьги, ожерелья, колье, броши, заколки с самоцветами и белыми камнями (неужели алмазы? Уж больно крупные)... А вот и столь знакомые кожаные мешочки, целых два. Так, все потом. Он побросал добычу в мешок и полез наверх. Здесь делать больше нечего.

«А богатая пара», – прикинул Волков. Даже у охранника в кармане нашелся кошель, в котором позвякивало далеко не три медяка. Вполне добрый нож, пара пистолей. Нет, калибр все же не два сантиметра, но тоже внушительный. Мушкет. Больно громоздкий, карабины Виктора выглядят куда лучше. Разумеется, это не говорит о том, что оружие плохое, просто более массивное. Вообще-то Виктор из такого калибра садил бы картечью, но тут отчего-то предпочитали пулю. Скорее это была не пуля, а махонькое ядро размером с грецкий орех. Ладно, сгодится.

Срезал упряжь с поднявшейся лошади. Ничего страшного, она особо не зашиблась. И хромоты нет, больше испугалась. Все, пора двигать. Волков запрыгнул на коня и так наметом и поехал. Сделал небольшой крюк, подъехал к кучеру, по-прежнему валяющемуся в пыли. В планы Виктора не входило оставлять кого-то в живых, не за тем ввязался в эту заваруху. Немного согнулся и вогнал в спину лежащего клинок шпаги. Ноль эмоций. Впрочем, неудивительно: вон сколько крови-то натекло, даже пыль еще не все впитала. Все же шестнадцать миллиметров, что у его карабинов, – тоже калибр неслабый.

Поднялся на взгорочек, подобрал оставленные карабины и двинулся в лесок, где его дожидался конь. Хорошо все же отправляться в поход верхом! А если еще озаботиться необходимыми приспособлениями, то можно возить с собой целый арсенал. Вот, к примеру, и пару карабинов можно с собой прихватить. Это несложно благодаря двум кобурам по обеим сторонам. Прямо настоящий ковбой, да и только! Вытащив из объемистой сумы отрез парусины, Виктор быстро завернул в него все свои трофеи, приладил получившийся тук на спину добытой лошадке, сумочку с основной добычей положил в суму, где ранее лежала парусина, и двинулся в путь.

Карабины он перезаряжал уже по дороге. Не дело иметь при себе не изготовленное к бою оружие, когда в любой момент можешь огрести кучу неприятностей. Впрочем, чем еще заниматься, как не перезарядкой, коли продираешься сквозь лес со скоростью пешехода. Успокаивало то, что если кто вознамерится его преследовать, то двигаться будет ничуть не быстрее. Этот лес куда сильнее завален буреломом, чем тот, через который они с наемниками уходили после нападения на барона. Тут впору и лошадей вести в поводу. Впрочем, пока конь справляется и так, а там видно будет.

Добычи вроде и немного, но таскать ее с собой не стоит. Мало ли как все обернется? Лучше проявить заботу заранее, а то, не приведи бог, можно все потерять. Времени не особо много осталось, вот-вот дожди зарядят, но лучше уж перестраховаться. Или уж тогда, забыв обо всем, надо просто идти и резать всех подряд, да толку от этого будет мало. Он лучше немного обождет.

Устраивать схрон на гульдской стороне не хотелось. Главная причина в том, что потом с большой добычей придется уйти во Фрязию. Почему непременно «с большой»? А вот была у Виктора после сегодняшнего уверенность, что пробавляться разбоем у него вполне получится. Что же касается перехода границы, так переправляться через Турань лучше все-таки по мосту. Больно широка река, чтобы лошади смогли преодолеть ее вплавь. Использовать плот? Неповоротлив и тяжел в управлении для одного человека. Нет, для нелегального перехода границы эта река никак не подходит. Ясное дело, что ни с одной, ни с другой стороны посты не понатыканы на каждом шагу, но имеются патрули, в том числе и на баркасах: река судоходная, нужно и с лихими разобаться, и перевоз контрабанды не допустить. Мост же всего один. Имеются еще и паромы, но опять-таки – только на границе с Фрязией. В общем, не складывались отношения у гульдов и брячиславцев.

Примерно треть границы между Гульдией и Фрязией проходила по реке Рензе, довольно полноводной, катящей свои воды до Турани, где она вливалась в ее величавый, плавный и могучий поток. Тут было целых три моста, но не один из них не подходил Виктору, потому как там и пограничная стража, и таможенники, и все прочие прелести жизни. Оставалось только продирааться через чащу, двигаясь нетореными путями, чтобы преодолеть реку вплавь. Брр, вода совсем холодная! Пользоваться уже существующими тропами контрабандистов он не хотел. Это только непосвященный считает, что все там шито-крыто и представители власти ничего не знают. Как бы не так. Тот, кто не хочет делиться, как раз держится в стороне от любых троп, но и занимается этим делом недолго. Все же выгоднее иметь связи со стражниками, причем по обе стороны границы. Что-то теряешь, не без того, зато риск куда меньше, да и в обход двигаться не приходится.

Переправился Волков без проблем. Не сказать что водные процедуры доставили радость, но и не так страшно все оказалось, как виделось поначалу. Действовать решил просто. В лесу устроил два схрона. В один положил все добытое оружие, в другой – деньги и драгоценности. Не удержался, посчитал. Хм... Это он удачно пограбил. В наличии оказались триста талеров и полсотни имперских золотых, а это порядка трехсот тридцати брячиславских рублей. Были еще и драгоценности. Курочить их, тем самым уменьшая стоимость изделий, он не собирался. Теперь скрываться нет смысла. Бегать с транспарантом и кричать, что он тать, в его планы не входило, но и терять выгоду из-за того, что есть возможность засыпаться на сбыте приметных драгоценностей, он не хотел. Здесь с международным правом туго и договоренностей о выдаче преступников нет. А шкодить в каком-то другом месте он не собирался, ему нужна только Гульдия.

Лошадь, у которой из упряжи осталась только уздечка, он определил на постоялый двор, попавшийся на не особо оживленной дороге. Хозяин был рад и постояльцу, и тому, что тот решил оставить на хранение одну из лошадей. Не сказать что гость вызвал у него доверие, уж больно бандитской внешности он оказался, но небольшое количество постояльцев сделало его куда менее разборчивым. Платит честь по чести, и то хорошо.

И вот Виктор снова в дороге, а вернее, вновь продирается сквозь чащу, довольный тем обстоятельством, что впервые за несколько дней удалось выспаться в человеческих условиях. Ну как в человеческих... Отдохнуть-то он отдохнул, но вот когда двинулся в путь, обнаружил, что на том дворе приобрел «соседей». Вскоре эти паразиты начали ему докучать, вызывая сильный зуд.

Когда Волков служил в армии, вшами его удивить было трудно, а уж когда находился в боевой обстановке – и подавно. Но он и его товарищи ни на минуту не прекращали с ними бороться: мылись, брились, кипятили одежду, потому как мало вшей, тут же появлялись и их товарки блохи. Так что способы борьбы с этими паразитами ему знакомы не понаслышке. Вот только где тут прокипятишь одежду? Для этого нужен большой чан или хотя бы котел, тогда есть шанс разобраться с проблемой. Но с собой ничего подобного не было, а возвращаться не хотелось, ведь о подарочке он узнал уже в пути.

В очередной раз почухавшись, словно кабан какой, он решил, что пришла пора обзавестись шелковым бельем. Это поможет впредь избегать радости симбиотического существования человека и насекомых. Дороговатое удовольствие, но оно того стоит. Вот ей-ей стоит! А, зараза, да сколько можно!!! Может, все же вернуться? Отвык он что-то от этих гадов. «Да пошло все, не ной, – осадил он себя. – На это еще время терять».

Эта дорога была не так наезжена, как иные, но оно и к лучшему: меньше вероятность того, что на стрельбу сбежится вся округа. Да и встреча с военными патрулями маловероятна. Само же наличие дороги говорило о том, что люди здесь все же проезжают. Впрочем, это могут оказаться сплошные крестьяне, резать которых нет никакого желания. Если вдруг придется, то, как говорится, жеманничать не станет, но и специально нападать не будет.

Просидел целый день, уже иззуделся от нетерпения. За все время проехало только три повозки с крестьянами, протопали несколько пеших путников и никого достойного для нападения, ни одного всадника. Как видно, насчет второстепенных дорог он погорячился. Придется все же выходить на большак, иначе и до ишачьей пасхи просидеть можно, а он не для того сюда выбирался, чтобы ерундой заниматься.

Дело близится к вечеру. Солнце роняет на землю косые лучи, отчего на запад смотреть невозможно, больно уж слепит. Эта парочка появилась именно с запада, да только Виктору светило особых неудобств не доставляло. Он расположился под лапами раскидистой ели, которая каким-то образом сумела затесаться в лиственный лес и достичь внушительных размеров. Растущие по соседству деревья дают хорошую тень, так что ему дискомфорта никакого и видно все замечательно.

Это не просто путники, а солдаты. Передовой дозор? Вроде не похоже. Даже если пехотное подразделение и среди них нет всадников, дело не в этом. В дозоре люди себя не ведут так, даже если движутся по своей территории. Ведь если что случится, то им достанется на орехи от командиров. Кому нужны такие неприятности? А эти идут расслабленно, по сторонам не смотрят, лениво беседуют, у обоих на плече палка с притороченным к ней узелком, и это помимо солдатских кожаных сумок на левом боку, которые тоже выглядят набитыми. Справа висит патронная сумка. Хотя до патронов пока еще не додумались, но нужно же где-то хранить пули и пороховницу. У одного, что помоложе, пара пистолей за поясом, у другого – в кобурах. На кожаные ремни подвешены багинеты (они сейчас вместо штыков, а также используются как холодное оружие), на правом плече – пехотные мушкеты.

Все понятно. Эти, наверное, из ополченцев. Война закончена, и они возвращаются домой, до следующей войны, а если ничего не случится, то до сборов, которые у гульдов, насколько было известно Добролюбу, случаются пару раз в году. Что ж, вот вас-то и не хватало. А то как-то нечестно получается: вышел на тропу войны, а под руку только гражданские и попались. Давайте, ребятки, подходите поближе, незачем бить на большой дистанции, еще промах выйдет, чего доброго. Лучше уж наверняка.

Тут на добычу рассчитывать не приходится, да и глупо было бы. Конечно, оружие чего-то да стоит, но не оно привлекло внимание Виктора и сделало дичь заманчивой. Эта честь принадлежала военной форме. Эти парни наверняка побывали на брячиславской земле и принимали участие в походе. Что ж, как там у вас с прибытком получилось, неизвестно, но вот на своей земле явно не повезло: никто вас отпустить не собирается.

А может, ну эту стрельбу? Лишний шум, тарарам, а так – взять их тишком в ножи, дорога всего-то в десятке шагов от ели, где притаился Волков. Пропустить мимо и... Мелькнула было вновь мысль о необходимости выучить язык, но мелькнула и погасла. Виктор иронично улыбнулся. Ох, лучше бы никому не видеть эту улыбку. Надо же, додумался! А как того пленника через две границы пару сотен верст тащить, подумал? С языком что-нибудь еще придумаем, а сейчас...

Как-то просто все получилось. Шли себе воины гульдские, шли... Миновали раскидистую ель, а тут из-за спины появляется чудо в кафтане серо-буро-пошкарябанного цвета. Ох и ругался красильщик, когда изводил краски, смешивая их в непонятную бурду! Ничего, полное возмещение стоимости краски и прибыль его успокоили. Правда, профессиональное самолюбие было уязвлено, но с этим ничего не поделаешь. Тот воин, что постарше, еще успел уловить звук и даже обернулся. Что ж, нож должен был войти в спину, а угодил в грудь. Молодой так ничего и не понял, получив вестника смерти точно между лопаток.

Виктор сразу метнулся к поверженным противникам. В руках – уже другая пара ножей. Каждому нанес удар в сердце – и порядок. Вообще-то перерезать горло было бы надежнее, но тогда кровищи будет, а так вполне аккуратно получилось. Схватил за ноги одного и поволок под ель. Потом второго. Подобрал все их пожитки, припорошил пылью натекшую кровь. Вроде нормально.

Как и предполагал, в карманах у служивых было негусто, это не дворяне. Нашлось только десять талеров, что-то около пяти рублей. Пистолы так себе, обычные в общем-то и все того же героического калибра, мушкеты – из той же серии. Вот по всему выходит, что служили ребята вместе, а калибр у ружей – разный. Немного разнится, едва ли на миллиметр, но пулелейки уже разные нужны. Ну точно! Вон в сумках у каждого своя и даже по две, вторые – для пистолей. Хотя оружие вроде и сделано под один стандарт, но различается. С другой стороны, какой там стандарт – разве что внешне похожи. Видно, с разных оружейных мануфактур, другого объяснения нет. Не беда, как товар подойдет.

В любом случае оставлять себе громоздкие пехотные образцы он не собирался. В его планы входило вооружиться более оборотистым оружием. Вот карабины – самое оно, а с новой пулей они не то что не уступят ружьям с длинными стволами, а даже превзойдут их.

В сумках и узелках ничего ценного. Немного продуктов на дорогу да гостинцы для домашних. У крестьян, разумеется, будут в цене и стеклянные бусы, и неказистые игрушки, и славенские свистульки, и платки, и аккуратно сложенные отрезки ткани, и много чего другого, но Виктору оно без надобности. Одним словом, прибыли никакой, но удовлетворен своим деянием куда больше, чем в прошлый раз, потому как глаза его видят два бездыханных тела в ненавистных синих мундирах. Шевельнулась было жалостливая мысль по поводу невинно убиенной женщины. Шевельнулась и пропала.

Отрез сукна пришелся как нельзя кстати, в него-то Волков и завернул всю добычу. Ну и что теперь делать? Возвращаться? Или продолжить рейд? Странно, а с чего это в голове такие вопросы вертятся?... Понятное дело, что продолжить, – трофеев не особо много, они пока никак не стесняют и движение не затрудняют. К тому же, как известно, аппетит приходит во время еды. Вот опять пустил гульдам кровь, но удовлетворения-то нет, хочется еще. Ни в коем случае не сдерживайте свои желания! Как говорилось в анекдоте из уже далекого прошлого: «Если нельзя, но очень хочется, то немножко можно». А ведь хочется.

Сгустились сумерки. В лесу темнеет куда быстрее, чем на открытом пространстве, но Виктор решил пока не останавливаться. Вряд ли, конечно, трупы найдут раньше, чем они начнут смердеть. А может, и на смрад никто не обратит внимания, мало ли какая падаль зловонит. Однако хотелось увеличить расстояние между собой и местом преступления.

Стоп. А что это было? Вот только что? И опять... Показалось или действительно удар топора? Крестьяне отправились в лес за дровами? Это на ночь-то глядя? Сомнительно. Он

вообще-то уходил в глубь леса. Впрочем, места незнакомые, может, лес и не такой густой, как могло показаться. А может, неподалеку проходит дорога и это купеческий караван встал на постой. Бред. Тут уже давно на всех мало-мальски значимых дорогах на расстоянии перехода устроены постоянные дворы, а если нет, так и купцы на тех дорогах не появляются. Военные встали лагерем? Возможно. Ладно, нечего гадать.

Виктор вооружился одним карабином, проверил пистоль, ножи и двинулся на звук. Ага. Вот и дымком потянуло. Теперь надо двигаться аккуратно, чтобы ничем не загреметь ненароком. Проклятье, нужно будет озаботиться для таких случаев другой обувкой, с мягкой подошвой! Через эту ничего не чувствуется, а в лесу найти сухую ветку проще простого, сложнее на нее не наступить. Продвигался Виктор медленно, очень медленно, но вот решимости не занимать. Страх как таковой отсутствует. Есть лишь желание не потерять жизнь за «здорово живешь», но это не страх.

Ого! А у этих ребят ведь должны быть и посты, не могут же они надеяться только на лес и его буреломы. Хотя с них станется. Это не воинский отряд, и дисциплина здесь держится только на непреложном авторитете главаря. Именно главаря, или атамана... или как тут у гульдов прозывается лидер незаконного бандформирования. Вот с самой войны Виктору была интересна эта странная формулировка, родившаяся в структурах власти обновленной России: из нее следовало, что имеются еще и законные бандформирования. Бред сивой кобылы. Ну да Бог им судья, дерьмократам постылым, хорошо хоть тут их нет. Впрочем, тут своих заморочек хватает. Почему Виктор решил, что это именно бандиты? Не нравится, пусть будут разбойники, в духе времени, так сказать. Просто эта группа из пары десятков человек у двух костров состояла именно из разбойников. У костра побольше собрался народ победнее. Некоторые даже в рвань. Вооружены все дубьем, арбалетами или луками, колющими и режущими предметами. А вот с огнестрелом у них слабовато, только пара мушкетов в поле видимости. Вон еще у одного пистоль за поясом... нет, вон еще... но это, пожалуй, все. На импровизированном вертеле поджаривается тушка: похоже, крупный барашек, но, возможно, и косуля. Близко Виктор подходить не стал, ни к чему.

Группа из пяти человек сидит за отдельным костерком, и над тем висит котел, из которого доносятся запахи не менее аппетитные, чем от большого костра. Тут каша уже, почитай, поспела и мясом ее заправили. Толк в кашеварстве склонившийся над котелком, как видно, знает. Это блюдо готовится только на ту пятерку, потому как всю ватагу такая малая посуда не накормит. Эти пятеро одеты разномастно, но весьма добротнo: одежда из толстого сукна, без прорех. Может, где и заплатана, но этого не видно.

В животе предательски заурчало. Это началось примерно с полчаса назад, когда помимо дыма до Волкова донесло запах готовящегося мяса. Приближался он к лагерю очень осторожно, отчего-то чувствуя себя сапером на минном поле, когда права на ошибку нет. Ага, ужин поспел. Тушу сняли с огня, в костер подбросили дров, чтобы стало посветлее. Теперь мясо не сторит, так что нечего впотьмах заниматься приемом пищи. Народ радостно загомонил и потянулся к мясу. Голоса стали громче и слышны более отчетливо. Ни слова не понять, речь гульдская. Живот буркнул особенно громко, эдак и разбойники услышат, вот же расшумелся!

Ладно, пора сваливать, пока не заметили. Это, конечно, не солдаты, но в известной матершинной притче, которую он знал еще со школьной скамьи, толпа зайцев вломила льву по самое не балуй. К тому же лихая пятерка выглядела уж больно серьезно, эти-то – точно волчары. Из всех остальных в лучшем случае один переберется когда-нибудь к малому костерку, потому как они все – мясо и такое право должны заслужить, набравшись опыта. Ну и выжить при этом, без этого никак.

Ушел он еще и потому, что увидел на той полянке не просто гульдов, а своих союзников. Спросите: почему? Впрочем, вряд ли, ведь ответ лежит на поверхности. Как гласит народная мудрость: враг моего врага – мой друг. Эти парни лили воду на мельницу Виктора и сами

заботились о сокращении поголовья своих соплеменников, причем не каких-то там крестьян, хотя вряд ли и этим брезговали. В основном же их внимание привлекали именно представители благородного сословия, то есть часть тех, кто определял политику Гульдии. Глядишь, какого-нибудь барона Берзиньша завалят. И пусть они об этом даже не задумываются, факт остается фактом.

Он уже достаточно отдалился от лагеря разбойников. Отец Небесный, как бы не заплутать и конягу не потерять! Да он совсем уж славенином стал, даже мысленно не поминает Господа. А какая, собственно, разница? Он придерживался мнения, что Бог многолик, но един. Земля уж больно мала, чтобы на ней экспериментировали сразу несколько Создателей. А может, это другая планета и вотчина другого Бога?.. Сомнительно. Уж больно все похоже. Наконец Волков увидел огонек от фонаря. Все же хорошо он сделал, что приладил к седлу небольшой фонарь со свечой, иначе точно мимо прошагал бы.

Где тут переметные сумы? Гадство, как есть-то охота! Чертовы работники ножа и топора, романтики с большой дороги, растравили душу, а тут тебе только копченое мясо, сыр, хлеб да вода. Нет, мясо очень даже аппетитное и сыр вполне удачный, все без этой идиотской привычки западников, предпочитавших слегка подпорченные продукты, мало того – почитавших это за деликатес. Болваны, да что может сравниться со свежатиной!

Ну-у теперь и жить можно... А вот оставаться поблизости от той ватаги, пожалуй, не стоит. Понятно, что темно, хоть глаз коли, но лучше уж помаленьку, но дистанцию увеличить. Так, на всякий случай. Он ведь не былинный богатырь, чтобы в одиночку упокоить два десятка.

Хм... А что за мысль у него мелькнула, когда он наблюдал за разбойничками? Ведь что-то дельное было. А потом этот паразит заурчал, требуя свою дань. Вот теперь насытился, но опять мешает, потому как желудок потяжелел – тело заломило, требуя отдыха. Да что это за напасть! То одно, то другое, никак не сосредоточиться.

Да вот же оно. Помнится, когда по осени в Звонград ездили за обновами, тогда еще все только начиналось и они с Голубой не были женаты... Та-ак, с этих воспоминаний съезжаем, а то зубы сами скрежетать начинают, и главное – мыслей ноль. О чем это он? Точно. Подходил к нему один купчишка мелкий и намекал: мол, если на постоялом дворе дела с умом вести, то можно куда больше зарабатывать. Ну там, к примеру, если торговлишкой какой пробавляться, если у одних брать за треть цены и хотя бы за полцены продавать другим... Очень даже изрядно можно на том заработать. Виктор тогда включил полного дурака: мол, он не купец и это дело ему нипочем не потянуть. Мол, будь иначе, у него достало бы денег в торговцы податься, но вот не видит он в том своих способностей, ей-ей не видит. И даже уговаривать не стоит, уж больно боязно – прогорит, как пить дать прогорит.

Дурачка-то Виктор включил, да только разговор на ус намотал. Стало ему интересно, как прогорел бывший владелец постоялого двора, просто одолело его любопытство! И без особого труда выяснил. Одного спросил, другого послушал, причем не выходя с подворья, беседуя с проезжим людом и купцами в частности. А что? Они вовсе не против принять лишнюю кружечку пива на халяву. Опять же с Добролюбом выпить не зазорно – чай, хозяин большого подворья.

Выяснил он, что взяли некоего купца Отряхина с товаром, который принадлежал иному купцу. Было там кое-что приметное и редкое, да попало на глаза родне обобранного купца в Брючиславле, оказавшейся уж больно дотошной. Купчишку едва в железо не заковали, но тот начал божиться, что знать не знает, ведать не ведает, сам, мол, не особо богат, а потому польстился на дешевизну и купил товар, чтобы поправить свои дела. У кого купил? Так у хозяина постоялого двора, прямо на подворье и купил! Пригнал порожние повозки и загрузил товар напрямиком из сарая, чин чином уплатил означенную сумму. Да если бы он знал!.. Да он!.. Да не в жисть!.. Да сразу бы донес на аспида такого! Отделался вирой. Немалой, но по миру не пошел и кое-какое дело у него осталось.

Можно сказать, обычная история. Ну не совсем обычная, но все же. Но это если позабыть о том, что купчишка, обратившийся с туманным предложением к Виктору, прозывался Лисом, а фамилия его – Отряхин. Интересно? Вот и Волкову стало интересно, но не настолько, чтобы принять заманчивое предложение. Мелькнула было мысль подловить гада, да и всего-то. Уж больно пронырлив купчишка, наверняка сам в сношения с татями не вступал, скорее всего, кого-то из холопов к этому делу привлек. Так что устрой ему западню – начнет делать круглые глаза, мол, знать не знаю, ведать не ведаю. А единственную ниточку оборвет. Как говорится – нет человека, нет проблем. К тому же есть те, кто за это жалованье получает, вот пусть свой хлеб и обрабатывают, а у Виктора иное занятие.

– Крепость-то отстроили? – Световид наконец выпустил сына из объятий.

Только Отец Небесный знает, что пережил воевода Звонград, когда узнал, что сын, наследник, был на волосок от смерти. Пока Обережная и Звонград находились в осаде, все произошедшее в крепости оставалось вне его ведения. Переживал за сына, разумеется, да только и предположить не мог, что гульды сумеют в такой короткий срок подвести осадные пушки и мортиры, тем более что армия, осаждавшая Звонград, была снабжена только малыми, полевыми. Да и забот хватало иных: врага тут собралось около тридцати тысяч, а то и побольше, а на Световиде лежит ответственность за град и окрестные земли, что подверглись разорению.

И вдруг ни с того ни с сего армия покатила обратно, а вслед за ней двинулся великий князь с войском. Ополчение-то Световид присоединил к армии. Сам же, возглавив тысячу посадской конницы, принялся прочесывать местность в поисках припоздавшего врага и лихих, почуявших кровь. Те-то почти не таясь начали трепать округу. Дел много навалилось. О том, что крепость от главного штурма отделяла самая малость, узнал, когда опасность уже миновала. А коли опасности нет, сын жив и здоров, то чего уж нести на границу сломя голову? Нужно все приводить в порядок. Зима не за горами, а люди, почитай, в открытом поле остались. Все поколения Смолиных верно служили княжеству, служили крепко, не щадя живота своего. И не Световиду начинать с пренебрежения долгом.

Но вот наконец сынок, отрада и надежда (другие два обормота никак не желают братья за ум!), прибыл в отчий дом и предстал пред очи главы рода. Ан нет, не главы, только отца. Вон глава, вошел хмурый и грозный, а глаза на мокром месте. Но непрошеную слезу утер перед тем, как войти в горницу, а они и не дураки, чтобы что-то замечать.

– Здрав будь, дедушка.

– И тебе здорово, Градимирушка. Слышал, слышал, чести родовой не уронил, все пушки у врага уволок и крепость отстоял, хотя и малая толика от разгрома отделяла да людишек у тебя всемеро меньше было. Предки с небес сейчас с гордостью взирают на кровиночку.

– Невелика моя заслуга, дедушка. Это люди у нас такие боевитые, про слабинку не помнящие. Кстати, батюшка, о слабине. Что там с помощником моим решилось?

– Ты про Малагина? – скривился Световид, словно крутой закваски хватанул с излишком.

– Иного у меня не было.

– Ну так и не будет. Крепость-то на кого оставил?

– На сотенного голову. Дельный воин, да и я отлучился ненадолго. Вот крепость подлапали, вырвался на пару деньков, а потом обратно. Но ты не ответил.

– Ты ведь знаешь, что род Малагинский крепок и в чести у Мирюлюба.

– Об этом я ведаю, как и о том, что они первые и пока единственные взялись строить большие корабли, чтобы пересечь океан. Да только род – это одно, а паршивая овца, его портящая, – иное.

– Все одно к одному. В воинских начальниках ему не хаживать, твою грамотку великий князь без внимания не оставил, но к ответу никто его призывать не стал.

– Ну хоть так. А то как подумаю, до чего может такой начальник довести... Сам хорохорится и грозит, а как ворог к стенам подступает, так полные порты накладывает. Но ведь он может и в иные начальники выбиться.

– Тут мы с тобой государю не указ.

– И кого на его место пришлют?

– Уже должен выехать, затягивать не станет. Да ты его знаешь, даже биться вместе приходилось. Сын боярина Вяткина, товарища моего старинного.

– Боян! Славный воин – и храбр, и с головушкой в дружбе.

– Скажешь тоже «воин», ему только двадцать.

– И что с того? Он в семнадцать ворогу не кланялся. Командовал прожженными вояками, а и тех от стыда краснеть заставлял да погонял в атаку, а при необходимости мог и за порты оттянуть назад. Возраст тут не главное.

– Вот и учи парня, потому как сдается мне – прочат его тебе на смену. Да не гляди ты так на меня, моих козней в том нет. Да и когда он будет готов принять крепость? Года два пройдет, не меньше. А потом, ты что же считаешь, у Миролоуба дум о тебе никаких нет? Так всю жизнь и продержит в Обережной? По мне, так хорошо бы, чтобы все под боком, даже несмотря на прошлую осаду, а куда тебя великий князь забросит волю его выполнять, даже не ведаю.

– Ничего, батюшка, мы род служивый, – сразу приободрился Градимир. Ну не хотелось ему пока оседать в вотчине, молод еще. Впрочем, это с какой стороны глянуть, уж четвертый десяток разменял. – Батюшка, я проезжал мимо постоянного двора у Приютного... Твоей заботой?

– А ты думаешь, не ведаю, что уже второй раз Добролюб твою жизнь спасает?

– В третий, – глядя в упор на отца, поправил Градимир. – Не надо, батюшка. Все понимаю. Не скажу, что со всем согласен, но понимаю и... Спасибо за заботу. Поначалу как прознал... А потом... Кто знает, на что я буду способен за своих деток.

– Ну так и забыли про то. Твоего греха нет, а я отвечу перед Отцом Небесным, коли на этом свете никто цену не спросит.

– И еще, батюшка. Добролюба не вини. Негоже так-то за службу верную награждать. Хотел он того или нет, но все одно к одному вышло.

– Не буду.

– Слово боярина Смолина молви.

– Ты думаешь, что говоришь-то?! За безродного скомороха просишь слова боярского!

– Я тебе это слово даю, внучок, – вмешался Радмир. – И не за себя, а за род наш! – Голос зазвенел сталью, чего уж давно не случалось со стариком.

Лучше бы и не надо, потому как он тут же зашелся кашлем, да таким, что отпрыски заволновались. Но обошлось, быстро отпустило. Градимир бросил быстрый взгляд на отца и понял: Добролюб от наказания был недалек, но дед своей волей пресек все думы на корню.

– Иди, внучок, женка-то ждет, чай, тоже места себе все это время не находит.

Когда дверь за внуком закрылась, Радмир бросил строгий взгляд на Световида и проскрипел, сил уж на крепкий голос не осталось:

– Порушишь слово – проклятье от меня падет на твою голову, даже из могилы. Все ли понял?

– Батюшка...

– Крепко тот скоморох повязан с родом нашим. Он и не хочет, а судьба толкает, она мух ловит – так сами подталкиваем.

– Рассказывай, что прознала! – Смеяна вцепилась в руку служанки и повела ту в дальнюю горницу.

Лучше бы в сад, да только дождик зарядил, под открытым небом или в беседке не особо уютно. Батюшку, конечно, давно не видела и переживала за него сильно, но с ним ведь все хорошо. Сам он ничего сказывать не станет, а что да как там было – страсть как хочется узнать. Они тут только слухами пробавлялись, домыслами один невероятнее другого, а с батюшкой вернулись боевые холопы, которые были при нем неотлучно. Вот кто все доподлинно знал! Только негоже боярышне подходить к холопу с расспросами, полными любопытства. А вот холопка-прислужница – это совсем иное.

Один из боевых холопов все время оказывал Птахе знаки внимания. Да чего уж там – вздыхал по ней, практически не таясь. Вот ведь и на поле брани побывал, и воином считался не из последних, но перед этой пигалицей откровенно робел. Она же только изводила двадцатидвухлетнего парня. Вот и теперь без труда сумела вызнать все, что ей нужно, и упорхнула, оставив недоумевающего поклонника в одиночестве.

– Все как есть прознала. Помнишь ли, боярышня, того скомороха, что нас тут на заднем дворе развлекал?

– А как же. Когда мы с дедушкой в Обережную ездили – ну, когда в меня чуть стрела не попала, он уж хозяином постоянного двора был. – Ага, и гордости в голосок подпустила, еще бы: смертушка их стороной обошла, когда она бросилась батюшку спасать.

– Вот-вот, тот самый. Он в прошлую осень оженился на холопке своей. Полюбилась она ему, вот он ей вольную дал и под венец повел. Коли ты там была, то должна была, наверное, ее видеть, Голубой ее звали.

– Была такая, мне прислуживала. Ничего так, красивая. – Показалось Птахе или тень на юном личике мелькнула? А в голоске – что-то похожее на недовольство. Да ну, конечно же показалось! С чего бы это ей недовольной быть?

– Так вот. К лету у них дите народилось, дочка. Сказывают, Добролюб, скоморох тот, души в ней и в женке не чаял. А тут война. Налетели воины гульдские да пожгли подворье, всю его семью и холопов смерти лютой предали. Сам он едва живой остался. Пришел в себя, а ни подворья, ни семьи-то и нет. Самого изуродовали так, что от лица только маска звериная осталась. И сказывают, в нем самом зверь лютый проснулся. И пошел он мстить за семью свою, за любовь загубленную...

– Так-таки и любовь!

– А как же иначе-то. Нешто можно просто так известить столько народу?! Гульды уж пролом в стене сделали и готовились на рассвете штурм учинить, а Добролюб прокрался в лагерь ихний да потравил прорву народу. Наутро все уж в чистое переоделись, чтобы смертушку принять, а к ним выходит скоморох и несет весть, что гульды сегодня воевать не станут. Поговорил он о чем-то с твоим батюшкой. О чем, никто не ведает, да только после того разговора воевода начал готовить людей к бою. Следующей ночью Добролюба за стены отправили, а под утро у гульдов в лагере пороховой погреб взорвался. Батюшка твой сразу стрельцов в бой повел, крестьяне посадские и окрестные в стороне не остались, вслед за сотнями пошли. Как только воины гульдов отбросили, увели пушки в крепость, а что не смогли увести – порушили. Вот тогда-то конец войне, считай, и случился. Сил у ворога взять Обережную более не оставалось.

– И все это Добролюб?

– Ага. Да только сказывают, он и по сей день покою не знает, все за ладу свою мстит.

– Вот же долдонит одно – «любовь, лада»! Надоела уже!

Да что это с боярышней? Она ведь страсть как любит романы западников про такое читать. И славенские сказания, что в книги изложены, уж по сто раз перечитала... И пересказы разные с удовольствием слушает... А тут фырчит, как котенок недовольный!

– Точно тебе сказываю, Смеяна. Муж, коли любит, что угодно учинить сможет. Вот хочешь – я скажу Свистухе, чтобы залез на крышу терема и спрыгнул? Сделает, – убежденно проговорила Птаха.

– Ой ли?

– Спрыгнет. Вот скажу, что за него пойду, – прямо сейчас побежит!

– И думать не смей. Расшибется парень, а тебе только хиханьки, – заволновалась Смеяна. Забота о холопах у нее уж в кровь вошла, а Свистуха служил верно и исправно. Про его же безответную любовь всем было ведомо.

– Да какие уж тут хиханьки, коли слово держать надо будет.

– Вот скажу матушке, велит тебе и так за него пойти.

– Так я ведь это только для примера, – не на шутку разволновалась девица. Свистуха, конечно, парень пригожий и ликом весь благообразный, и воин не из последних, да только не лежит к нему душа, что тут поделаешь.

– Ладно, пошутила я. Но и ты так больше не шути. Ишь удумала над парнем изгаляться. Иди уж.

Девка вышла, оставив боярышню одну. А на ту хандра напала. Спроси отчего, так и не объяснит. Нет, она понимала, что именно испортило ей настроение: рассказ о поруганной любви скомороха и то, что он люто мстил за это гульдам. Вот только кто бы объяснил, какая ей с того печаль? Ну да, видела она, как он на нее взирал, льстило его внимание сердечку девичьему. И там, на постоялом дворе, она специально до последнего лицо не открывала, а потом вовсю наслаждалась произведенным эффектом. И еще больше ликовало сердечко, когда она смертушки избежала, а он об этом прознал. Вид у него был тогда такой... такой... Ну прямо как в тех романах рыцарских, прямо как в рассказе Птахи! Словно он весь мир готов был за нее извести. Понимала она, что он никто против нее и надежды ему никакой нет. Да и сама о том вроде не думала: сладостно на душе, что вот так на нее взирают, и ладно. Так чего же сейчас-то?

До конца дня она ходила сама не своя. На подворье никак не могли взять в толк, что приключилось с вечно веселой и смешливой боярышней. А что тут скажешь, коли она и сама ничегошеньки не понимала? Однако пришло утро, солнышко разогнало тучи на небе, и на душе у девицы тоже посветлело, а лицо озарилось озорной улыбкой. Миновала хандра, ну и слава Отцу Небесному, не то уж думы появились, не приболела ли красавица.

К обеду еще одно событие случилось. На двор въехали трое всадников. Молодой боярич в сопровождении двух боевых холопов заявился с поклоном к Световиду от батюшки своего, боярина Вяткина. А осадному воеводе Градимиру вручил грамотку из приказной избы. Дескать, к чему же грамотку до крепости держать при себе, коли воевода здесь оказался.

Дружба дружбой, а служба службой. Но боярич, едва взглянув на Смеяну, позабыл, как дышать. И взгляд тот не прошел сторонкой, был замечен девой. И не осталось в душе и тени от прошлого ненастья. Снова сердечко екнуло, а глазки сами из-под опущенных ресниц на молодого воина косятся: тот и ликом и статью пригож. А от взгляда того грудь боярича сама колесом ложится, выгибается. Будь хвост, так непременно распушил бы похлеще павлина! Рука сама картинно на изукрашенную рукоять сабельки легла. И все-то молодым кажется, что эта игра только между ними тайно происходит, никому не ведомая и никем не понятая. Посматривают на эти потуги старшие да прячут улыбки, кто в бороду, кто в край платка. Ой что-то будет!..

Глава 3

Ватага

– И ты здоров будь, Добролюб. – Мужчина сладенько так улыбнулся.

Едва взглянешь на такого, как сразу вспоминается народная мудрость: мягко стелет, да жестко спат. Впрочем, может, это у Виктора возникла такая ассоциация, потому как он прекрасно знает, что этот купчина подставил своего подельника – сразу и по полной. По-видимому, он специально никогда не забирал весь товар из закровов постоянного двора. Случись что – у представителей власти имелись бы неопровержимые доказательства вины владельца подворья.

Ладно, нужно играть дальше. Виктора подставить у него никак не получится, он-то знает, чего ждать от этого красавца. А вот купчишка, видать, считает себя самым ушлым. Оно и понятно: из такой передряги, почитай, без потерь вывернуться! Ведь и Лисом просто так не назовут, здесь почти все имена с умыслом даются. Страшные раны на лице посетителя ничуть не пугают Отряхина. Нет, сказать, что впечатления вовсе никакого не произвели, это, конечно, соврать. Но то лишь неприятные ощущения от вида безобразных шрамов. Неуверенности в себе или страха ничуть не бывало.

– С чем пожаловал? Гляжу, товар не рассматриваешь, а прямиком ко мне, стало быть, дело имеешь.

– Ума у тебя палата, – глянув по сторонам и никого не увидев в лавке, произнес Виктор.

Посетителей не было. Да и неудивительно: время уже послеобеденное, пик миновал, да тут еще и нудный дождик с рассвета зарядил. Холопов Лиса тоже не видно, похоже, в лавке он один, хотя убедиться в этом не мешало бы. При таких разговорах лишние уши ни к чему. Если Волков заподозрит что-то неладное, то быстренько свернет беседу. Однако этот купчина ему нужен, с его помощью он время сэкономит, потому как уверен: Отряхин имеет выход на тех, в ком нуждался Добролюб. Только не нужно показывать, что обо всем догадывается, пусть купчина уверится в своем превосходстве.

– А ты как думал? – уже самодовольно улыбнулся купец. – Коли с головой не дружить, так можно и по миру пойти.

– Вот и я о том. Не ведаю, знаешь ли, да только досталось мне этим летом.

– Слышал. Сочувствую горю твоему, в одночасье лишиться всей семьи... Понимаю, словами тут не поможешь.

Виктор спрятал глаза, в которых сейчас плеснулся бешеный огонек. Вот и всегда так, стоит только вспомнить прошлое. Нет, нельзя купчине обличье свое выдавать!

– Тут ничем не поможешь. – Он произнес это едва слышно. Казалось, голос дрогнул от переполняющего человека горя, но никак не ярости. – Но ведь жизнь-то продолжается. Живым о живых думать нужно, а усопшим – отдать дань уважения.

– Твоя правда, Добролюб.

– Так вот, когда побили моих и пожгли подворье, нашли аспиды мою казну. Я как раз собирался отправляться в Рудный, там заказ у меня на большой товар, потому деньги не в схроне были, а в доме.

– Много взяли?

– Остались только слезы.

– Но ить я слыхивал, воевода-батюшка тебе подворье за счет казны восстановил, а ты с большим прибытком гульдам кровушку пустил. Одних боевых коней восемь взял да оружия и справы всякой. Нешто не восполнило?

– Нет. Половину и ту не покрыло. Да и воевода только стены поднял. А обставить все? Рухляди прикупить, запасы завести, чтобы постояльцев было чем привечать... Опять же заказ в Рудном уже готов, нужно оплачивать да забирать работу. Планы у меня – мануфактуру поставить.

– Так ты же сказывал, что торговля не твое?

– Сказывал и сызнова скажу: не мое. Но тут ведь мне не торговать, а продавать то, что сам и сделаю. Выходит, не нужно будет головушку ломать, что да почем взять, чтобы потом с выгодой продать. То забота купцов будет, не моя.

– Хм. И то верно. Ну а ко мне почто пришел? Денег в рост я не даю, да и нет у меня лишних, сам концы с концами едва свожу.

– А я разговор наш припомнил, что год назад здесь же, на торжке, приключился. Сам-то я ни уха ни рыла в торговлишке, это правда. Но коли человек опытный возьмется подмогнуть, тогда не прогорю. Вот ты сказывал – в полцены...

– Ты вот что, Добролюб. Тот разговор стародавний. Опять же навеселе я был, у меня тогда дело доброе выгорело, мало ли что я плел. Это где ж такое видано, чтобы товар за полцены покупался? Извини, но не ведаю, о чем ты.

А что тут скажешь. Если бы Виктор год назад с ходу или, чуть подумав, согласился, тогда другое дело, ведь купчина сам подошел. А тут человек через год вспоминает и приходит. Нет, легенда вроде без протечек, но он и не рассчитывал, что ему сразу поверят. Отряхин должен все обдумать, взвесить, проверить слова Добролюба, а там уж будет принимать решение. Что ж, какое-то время он подождет. А если результата не будет, придется действовать более жестко, чего не хотелось бы. Это ведь означает преступать закон, и не где-то там за кордоном, а здесь, в Брючиславии. Негоже гадить там, где живешь.

Рейд по Гульдии он закончил весьма успешно, иначе и не скажешь. Правда, такого успеха, как с той каретой, у него больше не было, но все же удалось подстеречь еще двоих – дворянчика и слугу, которые ехали верхом. Только дворянчик оказался очень уж бедноват. Всего-то двадцать талеров при нем, два кольца да серебряная цепь; из оружия – пара пистолей, мушкет, что у слуги был, кинжал да шпага. Зато шпага, в отличие от огнестрела, – отличного качества, видать, фамильная. Кони так себе. Можно даже усомниться, стоит ли их с собой тащить. Красная цена – рублей по пятнадцать, а то и меньше. Но он взял, хотя и повязали они его по рукам и ногам. Но в тот момент им уж владела одна идея, и не терпелось ее реализовать.

А идея простая. Он все думал о сборе отряда. Тогда кровушку врагу пускать будет куда сподручнее; одному или вдвоем – все же трудно. Да и риск слишком велик. А вот если, к примеру, десяток, то это совсем иное дело. Это уже боевое подразделение получается. А если их еще и оснастить по полной, то такое может выйти! Разумеется, вставал вопрос: из кого собирать отряд? Ответ напрашивался сам собой: из людишек, обозленных на гульдов. Но тут проще сказать, чем сделать. Таких-то много наберется, да вот только, кроме проклятий и пустых угроз, подавляющее большинство ни на что не способно. Одним словом, коли враг пришел бы на родную землю, тогда да. А вот так, самим на вражью территорию, искать приключения на свою шею... нет, это без них.

Решение пришло. Оно оказалось простым и сложным одновременно: разбойники. Если выйти на какую-нибудь ватагу да суметь ее возглавить, то многое можно сделать. Этим все едино, лишь бы добыча была, а где ее брать, в Гульдии ли, в Брючиславии ли, – без разницы. Как с ними разобраться и прогнуть под себя, он еще подумает. Может, кого сразу и упокоить придется, там видно будет. Самое главное – выйти на них. Эвон стражники да конные отряды, сколько ни гоняются, а что-то Виктор не слышал, чтобы за последние пару лет кто-нибудь сумел накрыть хоть одну банду. Впрочем, один случай был. Но это он сам как раз и накрыл – ватагу Секача. Опять же случайно. Со страху.

Вот тут-то и должен был помочь купчишка. Все вроде продумано и логично, так что должен клюнуть. Ну а как выйдет на ватагу, так того купчину и пнуть можно. А не поймет добром, то это его проблемы, церемониться Виктор не собирался.

Выйдя из лавки, Волков направился напрямиком на площадку, предназначенную для стоянки повозок. Вот только пусто тут было. Лишь одна и стоит с возницей, понуро восседающим на облучке. Странная какая-то повозка, о двух колесах, таких тут и не видели. Подошел. Сел рядом с сидящим мужиком. Двуколка только качнулась, ну прямо карета боярская, не иначе. Видать, мягкий у нее ход, не растрясет на ухабах.

– Ты как, Горазд?

– И чего ты все спрашиваешь? Сказываю же: нормально все, зябко, но то к ране не имеет отношения.

– Как вернемся, сразу собирайся в дорогу. Отправимся в Обережную, к бабке Любаве, пусть тебя посмотрит.

– Чай, не маленький и сам дорогу знаю.

– А у меня тебе в этом деле веры нет. Вот скажет лекарка, что можно тебя пользоваться по-всякому, тогда и посчитаю тебя здоровым.

– Это как это пользоваться-то? – встрепенулся Горазд.

– А как возжелаю. Трогай давай.

– Куда?

– В арсенал, куда же еще-то.

На въезде в кремль их остановили. Оно и правильно: нечего всякому возжелавшему беспрепятственно туда ездить, тем паче на повозке. Досмотрели. А кто, собственно, от них скрывал груз? Оружие огнестрельное да холодное, все разномастное и в немалом количестве. Нет, Виктор не собирался сдавать в арсенал оружие за вознаграждение, хотя такое тут практиковалось и обмана не приключалось. Покупали чин чином, складывали на хранение – коли исправное, разумеется. Эвон, как война приключилась, откуда народ вооружали? То-то и оно. Война окончилась, все обратно приняли, почистили, смазали от ржавчины, убрали до лучших – вернее, худших – времен.

– Здрав будь, Ратибор.

– И тебе не хворать, – отозвался мужчина, что примостился за обшарпанным столиком криворукой работы. Скамья, на которой он сидел, была не лучше. Некогда Ратибор был высокий и статный, а теперь – пригнутый годами старик. Сказывали, славным был рубакой в свое время. Да укатали сивку крутые горки. – Прибыл, стало быть.

– Как и уговаривались.

– Странное у тебя какое-то дело. Коли воевода-батюшка не указал бы, так погнал бы тебя взащей. Но уж коли так, то давай, заносите.

Откинули сиденье на бедарке. Под ним объемный короб, сейчас набитый оружием. Его они с Гораздом начали споро затаскивать в арсенал, на приемку. Ратибор критически осматривал все. Но даже ему, уже не первый год ведающему арсеналом, придаться было не к чему. Все почищено, смазано салом, чтобы никакая ржа не прокралась, замки исправны, клинки блестят стальными жалами.

– Воевода сказывал, ты хотел отобрать на обмен десять гульдских драгунских карабинов да пистолы.

– Все так.

– К чему тебе столько оружия-то?

– Кто я, ведаешь ли?

– Конечно.

– А зачем тогда спрашиваешь? Однажды я уже не сумел защитить свой дом, в другой раз такого не будет.

– Ладно, не кипи, как вода в горшке. Эх, молодежь, молодежь. – Посмурнев, Ратибор поспешил успокоить начавшего заводиться Виктора. – Чем эти-то не подходят? Ить вижу, что все исправно.

– Калибр у них разный. Одних пулелеек, почитай, под каждый ствол иметь нужно. Неудобно.

– А в арсенале, стало быть, удобно.

– Так тут и без того столько всего набрано, что одним больше, одним меньше – разница невелика. К тому же уверен, что у этих товарки быстро тут сыщутся.

– Сыщутся, сыщутся. От ить, трактирщик, а и тот понимание имеет, что разные калибры – это глупость несусветная. А тут даже в одной сотне до трех калибров набирается, а если с пистолями считать, так и вовсе беда. Хм... А клинки что же?

– Это в дар граду.

– Хе! Подмасливаешь, выходит?

– Не без того.

– Пулелейки-то имеются ко всему этому богатству?

– Прости, позабыли. Горазд!

– Уже бегу, Добролюб.

– Ко всем есть-то?

– Нет, не ко всем. Все это в бою взято.

– Слышал я, как ты повоевал. Знатно дал прикурить гульдским собакам. Э-эх, где мои молодые годы. Пошли, что ли.

Беспорядка в Брячиславии хватало. Да и где его нет? Но тут, в арсенале, все было чинно и упорядоченно. Мушкеты, пищали, мушкетоны, пистолы – все в пирамидах и ящиках, все одно к одному. Отчего-то Виктор был убежден, что подразделения ополчения Звонграда вооружены правильно. Наверняка в сотнях, или по крайней мере в полусотнях, было оружие под один стандарт. Одним словом – полный порядок. И не поверишь даже, что такое под силу одному старику. Ан нет, не один он работает, вон двое молодцов лет по пятнадцати в помощниках бегают. Вошли из соседнего помещения, несут какой-то тяжелый бочонок, натужно кряхтят.

– Закончили, что ли?

– Закончили, дядька Ратибор. Все, как ты обсказал.

– Отнесите куда положено да подойдите потом.

– Хорошо.

– А чего это они словно свинца в бочонок напихали? – поинтересовался Виктор.

– Кхм. Так свинец и есть. Пули они лили. А ты думаешь, мы тут в безделье прозябаем? Время есть, вот и льем пули, чтобы, когда срок подойдет, не бегали ополченцы, как заполошенные, а на первое время запас имели. К каждому калибру отливаем. Есть и картечь, потому как из пищали, к примеру, в ближнем бою вдарить картечью – самое оно. Так какой тебе калибр надобен, парень?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.